

Сердце Тьмы

БРИЛЛИАНТОВАЯ
ЛИХОРАДКА

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

Сердце Тьмы

«ЭКСМО»

2015

Леонтьев А. В.

Сердце Тьмы / А. В. Леонтьев — «Эксмо», 2015

Проклятие жрецов древнего индейского племени – вымысел или реальность? Писательница Ирина Татищева была уверена, что это всего лишь красивая легенда. Но тогда почему двоюродная сестра Ирины Лайма и ее муж загадочно погибают, едва им удастся заполучить в свою коллекцию статуэтку Мелькоатлан, индейской богини Луны? Ирина без колебаний принимает приглашение знакомого Лаймы – профессора Иваницкого – сопровождать его на конгресс специалистов по древним индейским цивилизациям: вдруг это поможет пролить свет на таинственную гибель ее родственников? Во Франции Татищева убеждается, что проклятие индейцев продолжает действовать – Иваницкий погибает, упав в колодезь. Чтобы избежать участи тех, кто уже стал жертвами кровожадной богини, Ирине надо разобраться, что стоит за этими смертями: месть потревоженного древнего божества или это просто часть плана неизвестных охотников за сказочными сокровищами индейцев?

© Леонтьев А. В., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Пролог	6
Паук тебя спасет!	8
Смертоносная выставка	20
Проклятие действует!	29
Приключения в университете	42
Конец ознакомительного фрагмента.	53

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

Сердце Тьмы

© Леонтьев А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

*Тете моей Ире,
замечательной и горячо любимой,
посвящается*

*Мое сердце остановилось,
Мое сердце замерло,
Мое сердце остановилось.
Отдышалось немного...
И снова пошло!*

Группа «Сплин»

*Credo, quia absurdum.
Верю, ибо это абсурдно.
Тертуллиан*

Пролог В Сердце Тьмы

Ирина задыхалась, чувствуя, что силы ее на исходе. Чудилось, что сердце готово выпрыгнуть из груди. Однако продолжала идти вперед. Лестница, которая вела на скалу, казалась бесконечной. Ирина ни за что не позволит Валере опередить ее. Он негодяй! Он убил собственного учителя, совершил массу преступлений, пытался ограбить монастырь, а теперь предъявляет претензии на сокровища дольмеков¹.

Ирина с шумом перевела дух. Она была почти у цели. Еще два или три десятка ступеней, и она окажется на вершине скалы. Она обернулась, увидела Валеру Попондополо, который жалобно подвывал где-то на середине лестницы. Он снова просил Ирину помочь ему, но она даже ухом не повела. Не хватало только, чтобы он сбросил ее вниз.

– Ирина, помоги, прошу тебя, у меня болит нога, я наверняка подвернул ее... Будь ко мне милосердна!

Ирина преодолела последние ступени. Вот она оказалась на вершине! Сначала ей в глаза ударил яркий белый свет, Ирина зажмурилась и только потом, размежив веки, смогла рассмотреть то, что находилось на вершине скалы.

Она увидела некое подобие храма – несколько саркофагов из гранита, колонны. Но самое главное – это парящее в воздухе огромное сердце, сделанное из золота. Вот что видел в Храме Звезд Ансельм! Он упоминал об этом в своей рукописи, и теперь Ирина лицезрела это собственными глазами.

Наверное, последний царь дольмеков, который спасся бегством от завоевателей, а также немногочисленные его сторонники нашли здесь последнее убежище. И воссоздали храм своей языческой религии.

Ирина, как замороженная, смотрела на золотое сердце, которое парило в воздухе. Дольмеки и в самом деле владели особыми секретами, раз они могли заставить это чудо повиснуть в воздухе без всяческих креплений. Законы физики, как объяснял ей Роберт. Или древняя индейская магия?

Татищева медленно подошла к первому саркофагу. Тут покоится Иратитль, последний властитель этого Эльдорадо. Или кто-то из его приближенных. Ирина сделала еще несколько шагов и очутилась около двух колонн, между которыми и зависло изумительное золотое сердце.

От него, как ей казалось, исходило сияние. Ирина протянула руку и отдернула ее, словно боялась, что обожжется. Да нет же никакого огня. Она дотронулась до золотого изваяния. То покачнулось. Ирина обеими руками взяла его. Золотой футляр был практически невесомым. Однако, судя по тому, что в нем что-то перекатывалось, внутри находилось нечто.

Она знала, что именно. Легендарное Сердце Тьмы. Тайное и главное сокровище индейцев-дольмеков, которое последнему царю племени Иратитлю удалось спрятать от пирата Уго и его набожного брата Ансельма.

Ирина прижала к себе реликвию. Сияние исчезло, видимо, золотое сердце светилось только в лучах солнца, которые падали с потолка пещеры. Сейчас она увидит, что представляет собой Сердце Тьмы. Хотя она, кажется, уже догадывалась... Она знает, чему именно поклонялись индейские жрецы.

Ирина положила золотое сердце на саркофаг. Она заметила крошечные замочки на футляре, расстегнула их. Раздалось мелодичное позвякивание.

---

¹ Дольмеки – условное, вымышленное название индейского племени, как и все связанные с ними истории далее в романе.

В этот миг на последней ступеньке лестницы возник Валера Попондополо. Увидев Ирину и золотое сердце, он заорал диким голосом:

– Не трогать! Ты не смеешь, дура! Это мое, и только мое!

– Ошибаешься, Валера, это принадлежит мне, – сказала Ирина и откинула верхнюю часть футляра.

И в ту секунду, когда она, пораженная, созерцала то, что дольмеки именовали Сердцем Тьмы, раздался властный голос. Ирина вздрогнула и оторвала взгляд от реликвии индейцев.

Из-за второго саркофага вышел человек, одетый в легкий костюм. В руке он зажал пистолет, который был направлен на Ирину.

– Вы ошибаетесь, Сердце Тьмы принадлежит только одному хозяину. А именно – мне! Ирина, отойди от футляра. А ты, Валера, не стой как истукан. И до того, мои дорогие, как я вас застрелю, а тела сброшу на прокорм чудовищу Касамбе, которое, как голодная акула, кружит в озере, разрешите мне первому прикоснуться к Сердцу Тьмы!

Услышав голос этого человека, Ирина узнала его. И поняла все. Она в ловушке. Что же ей делать? Ведь мужчина, который сжимал пистолет, явно не шутил. Он хотел стать единственным владельцем Сердца Тьмы. И ради этого он пойдет на все – в том числе и на то, чтобы убить ее.

Убить ее прямо сейчас...

Паук тебя спасет!

Только Ирина подумала, что все идет отлично, как последовал этот наглый и самоуверенный вопрос.

– Ирина Вениаминовна, – произнес молодой человек, облаченный в темный свитер и джинсы, – не могли бы вы прокомментировать следующую информацию. Говорят, что вы в курсе дел вашего мужа, Олега Татищева. Это так?

Ирина знала: этот вопрос рано или поздно последует. Ну что ж, она к нему готова. Ирина, улыбнувшись, произнесла, даже не взглянув на своего издателя, сидевшего рядом:

– Я не знаю, откуда у вас такие сведения, но это абсолютно не соответствует действительности. Во-первых, Олег Татищев уже давно мой *бывший* муж, мы с ним расстались по обоюдному согласию. Во-вторых, я понятия не имела о его темных делишках, а в-третьих...

Она замерла и обвела глазами публику, которая собралась в одном из самых крупных книжных магазинов столицы. Еще бы, сегодня, двенадцатого мая, она, Ирина Татищева, известная писательница, автор двадцати двух романов, представляла свой очередной, двадцать третий по счету, шедевр – «Холодное дыхание смерти». Перед ней находилась ее публика – в основном дамы среднего возраста, которые обожали ее легкий слог и мягкий юмор. Ирина по праву считалась одной из самых известных писательниц современной России. Она открыла новый жанр, который в одном из журналов окрестили «soft horror» – «мягкий ужас». Смесь детектива, триллера и любовно-приключенческого романа с налетом мистики.

Когда-то, всего лишь семь лет назад, она, учительница английского и французского языка в частной гимназии, принесла в издательство свой первый опус. Ей не требовались деньги, возможно, поэтому она не пошла по проторенной дорожке и не писала очередной стандартный детектив, тем более что Ирина не имела ни малейшего представления о работе правоохранительных органов или частных детективов.

Ее супруг Олег был весьма обеспеченным бизнесменом, который намеревался уйти в большую политику. Он желал, чтобы его жена не работала, а вела светскую жизнь. Ирина же настояла на том, чтобы продолжать работу в одной из классических гимназий Москвы. Ей нравились ее ученики, нравилось преподавать. Почему она должна оставлять это по прихоти мужа?

Первый же ее роман «Смерть в лепестках кровавой лилии» принес ей успех и известность. Ирина, отправляясь в издательство, и помыслить не могла, что писательство станет когда-нибудь ее основной деятельностью. Сюжет романа, главная героиня которого была во многом похожа на нее саму, пришел ей в голову подобно молнии, когда она на уроке рассказывала ученикам о жизни Маргарет Тэтчер.

Сначала Ирина мучилась важным для нее вопросом – имеет ли она право писать нечто подобное? Свою страсть к детективам она считала низменной и смешной. Ну почему бы ей не написать что-то серьезное?

Со временем она убедилась в том, что и детектив может быть серьезным. Впрочем, она предпочитала жанр триллера, в котором героиня, оказавшись в гуще непонятных и страшных событий, вынуждена самостоятельно находить выход из сложившейся ситуации. Ирина убедилась, что может писать, романы получались у нее легкими и одновременно увлекательными. Закончив очередное произведение, она с затаенным нетерпением и некоторым волнением ждала того дня, когда примется за новую рукопись.

– А в-третьих, – продолжила она после небольшой паузы, – подробности моей личной жизни не должны интересовать вас, ведь мы собрались здесь для того, чтобы познакомиться с моим новым романом, не так ли?

Ирина знала, что ее любят. Еще бы, общий тираж ее книг перевалил за пятнадцать миллионов, по ее произведениям сняли три сериала, которые прошли с неизменным успехом по центральным каналам телевидения, в позапрошлом году ее книги издали в Германии, Швеции, Италии и Франции. Два года подряд она удостоивалась премии «Писатель года». Она не могла пожаловаться и на размеры гонораров. В общем, все было бы великолепно, если бы не одно «но»...

– И все же, Ирина Вениаминовна, – на этот раз вопрос задала почтенная дама в дорогом костюме, которая могла бы быть одной из поклонниц творчества Ирины Татищевой, а на деле оказалась журналисткой желтой прессы. – Как вы прокомментируете вчерашнее решение партийного руководства исключить вашего экс-супруга из своих рядов? Ведь именно он, Олег Михайлович Татищев, был одним из создателей мелкой популистской партии.

Ирина почувствовала, как екнуло сердце. Но чего она так испугалась? Вполне понятно, что скандал, в центре которого стоял ее муж... вернее, уже бывший муж, станет одной из тем для бульварных средств массовой информации. С одной стороны, ей было жалко Олега, а с другой... Он сам виноват в том, что произошло. Олег никогда не ставил ее в известность о том, что он конкретно делает, занимая пост сопредседателя праворадикальной партии. Он заседал в парламенте, являлся главой одного из комитетов, регулярно принимал участие в политических ток-шоу. Ему это нравилось, как понимала Ирина, бизнес стал ему неинтересен, он зарабатывал достаточно денег и теперь стремился приобрести политический вес.

– Увы, или к счастью, меня совершенно не занимают политические вопросы, – сказала Ирина. Она бросила быстрый взгляд на издателя, сидевшего рядом. Тот до начала встречи с читателями посоветовал Татищевой не поддаваться на провокации и не отвечать на вопросы, касающиеся судьбы ее бывшего мужа, чья политическая карьера совсем недавно приказала долго жить.

– Но как же так, – продолжала настаивать дама, явно закаленная в журналистских битвах. – Ваш внезапный разрыв с Олегом Михайловичем полтора месяца назад является, и никто в этом не сомневается, прелюдией к большому скандалу. Вы расстались через пять дней после того, как появились сенсационные публикации, – в рекордный срок, вы не находите, Ирина Вениаминовна? Вы съехали из особняка, где проживали вместе, и, насколько мне известно, не поддерживаете с ним никаких отношений... И это несмотря на то, что еще полгода назад в телевизионном интервью вы заявляли на всю страну, что любите друг друга и не мыслите себя без него...

Ирина, собрав последние силы, произнесла:

– Вы настолько хорошо осведомлены о перипетиях моей личной жизни, что наверняка сами можете сформулировать ответы на все заданные вами вопросы. Единственное, что могу сказать, – да, я любила своего мужа, причины, которые привели к нашему столь внезапному разрыву, сугубо личные, и я не хотела бы обсуждать их. А полгода назад, когда я говорила, что... что люблю его, то эти слова были сущей правдой. К сожалению, за шесть месяцев изменилось очень многое...

Ирина замолчала, и возникшей паузой ловко воспользовался представитель издательства, который взял инициативу в свои руки. Он увел тему разговора от скандала с Олегом Татищевым и переключился на презентацию нового романа Ирины.

– А сейчас уважаемая Ирина Вениаминовна кратко обрисует фабулу своего нового произведения...

Ирина, чьи мысли в этот момент были далеки от ее нового романа, собралась и посвятила еще пятнадцать минут рекламе своего двадцать третьего шедевра. Затем последовали вопросы читателей – на этот раз безо всякого упоминания о ее бывшем муже и скандале в его партии. Потом была объявлена пауза, после которой должна начаться раздача известной писательницей автографов.

– Ирина Вениаминовна, все прошло на уровне, – заверил ее представитель издательства, когда они, покинув большой зал, перешли в комнату директора магазина. – Вы держались замечательно. Эти журналисты, как всегда, чересчур назойливы, но и игнорировать вопросы мы не можем, скандал с вашим супругом приобрел слишком большой размах...

– С бывшим супругом, – поправила его Ирина с недовольной grimасой. – Олег Татищев мой бывший муж, не надо об этом забывать! Хотя развод окончательно не оформлен.

– Ах да, да, конечно же, с бывшим супругом, извините меня... Вы ведь не откажетесь от кофе?

– Лучше чай, – произнесла Ирина. – Я вернусь через пять минут...

Она вышла из кабинета, так как у нее не было ни малейшего желания продолжать разговор, посвященный ее мужу. Олег, которого она так любила... И, по всей видимости, продолжает любить. Во всяком случае, так утверждает Андрей Самуилович, тот самый психотерапевт, к которому она обратилась после разрыва с мужем. О том, что она, известная писательница Ирина Татищева, посещает сеансы психотерапевта, никто не знал. Можно представить, какой шум поднимется в бульварной прессе, если это станет достоянием гласности.

Ирина, не привлекая внимания многочисленных посетителей, которые, пользуясь паузой, рассматривали книги, остановилась около стенда со своим новым романом. Как хорошо, что она закончила его еще до того, как разразился скандал... Потому что теперь...

– А вы знаете, что там на самом деле произошло? – услышала Ирина громкий голос одной из покупательниц. – Ну, я имею в виду скандал с Татищевой и ее мужем.

– Да вы что, не слышали об этом? – удивилась ее собеседница. Дама повернулась, и Ирина узнала в ней пожилую журналистку, которая всего десять минут назад пыталась ее расспросами.

– Нет, конечно же, о том, что она разводится с мужем, писали во всех газетах, но в чем там действительно дело?

Журналистка, хмыкнув, положила книгу Ирины обратно на полку и сказала безапелляционным тоном:

– Милочка, ну вы совершенно отстали от жизни. Олег Татищев, крупный бизнесмен и политик, приложил все силы для того, чтобы раскрутить собственную жену. Иначе, как вы думаете, стал бы кто-то печатать откровенно слабые и неуклюжие литературные опусы госпожи Татищевой?

Ирина усмехнулась, даже не обидевшись. Она и сама бы не поверила, если жена богатого и влиятельного человека вдруг выбилась бы в популярные авторши детективов. Но все дело-то в том, что свой первый роман она отнесла в издательство, даже не ставя Олега в известность, как, впрочем, и второй, и третий, и так далее. Он узнал о литературном хобби жены едва ли не год спустя после того, как ее начали печатать, и то совершенно случайно. Пять первых своих романов Ирина написала тайком от Олега, печатая их на огромной старинной пишущей машинке, которую когда-то, еще в студенческие времена, купила с рук. Компьютером Олега она боялась пользоваться, так как тогда могло открыться ее увлечение «этими детективами».

– Ну не такие уж они и слабые, мне нравятся, – возразила собеседница журналистке. Та, не желая вступать в литературные споры, только покачала головой с монументальной прической и сказала назидательным тоном:

– Я, конечно, уважаю чужие заблуждения, но факт остается фактом – примерно полгода назад, перед самым Новым годом, появились первые намеки на зарождающийся политический скандал. Олега Татищева обвиняли в том, что он, пардон, за партийный счет развлекался с девицами легкого поведения. И это было только вершиной айсберга. Мне в чем-то жаль бедную Ирину, но она чересчур поспешно рассталась со своим обожаемым муженьком. Как будто боялась, что скандал может подпортить ее писательскую карьеру.

– Ага, а потом выяснили, что Татищев на самом деле не только снимал девиц...

Журналистка покровительственным тоном произнесла:

– Потом выяснили много чего занимательного. К примеру, то, что из партийных средств господин Татищев оплачивал не только услуги проституток, но скооперировавшись с другими парламентариями, устраивал оргии, на которых употреблялись наркотики. Да и вообще, он рассматривал бюджет партии как свой собственный. Но, разумеется, не он один был в этом замешан, однако на него решили свалить все грехи. Партии не хотелось, чтобы один из ее создателей оказался ее же гробовщиком. Поэтому его быстренько исключили из рядов его некогда карманной партии.

Ирина почувствовала, что у нее начинает нестерпимо болеть голова. Еще сорок минут, возможно, час, и она наконец-то окажется в одиночестве. Ей так хотелось скорее покинуть шумный и заполненный людьми магазин, но она не могла уйти без объяснения. Необходимо раздать автографы и пообщаться с читателями. Совсем недавно это доставляло ей радость и казалось приятным занятием, а теперь...

– Мне точно известно, что Татищева, которая строит из себя ни о чем не знавшую невинность, на самом деле была прекрасно осведомлена о постыдных занятиях муженька. Это теперь она изображает шокированную особу, быстро с ним рассталась, а в действительности...

Журналистка осеклась, подняв глаза и заметив в нескольких метрах от себя Ирину.

– Ну что же вы стушевались, прошу вас, продолжайте, – сказала Ирина требовательным тоном. – Что еще вам известно? Может быть, вы станете утверждать, что это я поставляла своему мужу «ночных бабочек»?

Ирина заметила в своем голосе истерические нотки. Еще бы, знала бы эта особа из «желтого» журнала, через что ей пришлось пройти. И какую цену она заплатила за этот смрадный и нелепый скандал. Журналистка рассуждает обо всем с такой легкостью!

– Ирина Вениаминовна, – рядом с Татищевой оказался представитель издательства. – Не стоит беспокоиться, не обращайтесь внимания на слухи, нас ждут читатели.

Татищева почувствовала, что на глаза наворачиваются слезы. В последнее время она стала подвержена резким и частым сменам настроения. Андрей, ее психотерапевт, говорит, что это вполне естественно.

– Я хочу чая, – заявила Ирина и снова прошествовала в кабинет директора. Ей казалось, что все только и шушукаются об истории с Олегом. После того как несколько дней назад политсовет его партии принял решение исключить его из своих рядов и лишить депутатского мандата, ставший забываться скандал вновь вспыхнул, и его подробности смакуются на первых полосах газет. И ее имя – тоже.

Ирина попыталась успокоиться, закрыв глаза и глубоко вздохнув. Она отключилась от внешнего мира, тело охватили нега и слабость. Открыв глаза, она отметила, что чувствует себя лучше. Чашка чая стояла рядом. Надо же, и головная боль отступила.

– Я готова, – сказала Ирина с легкой улыбкой.

– Вот и великолепно, – встрепенулся представитель издательства. – Пойдемте, Ирина Вениаминовна, читатели уже волнуются.

Ирина убедилась, что скандал с Олегом для большинства поклонников ее творчества ничего не значит. Несколько ободряющих фраз, шутки, вопросы...

– Ирина Вениаминовна, – осведомился один из читателей, оказавшись перед столом, за которым писательница раздавала автографы, – каким будет ваше следующее произведение, я жду его с таким нетерпением?!

– Уверяю вас, оно будет ничем не хуже, чем предыдущие, – сказала Татищева, подписывая молодому человеку свою книгу. Ирина отметила, что врет легко и непринужденно. Она была не уверена, что вообще напишет следующий роман. Никто не знал, что после разразившегося скандала и последующего расставания с мужем, инициатором которого был сам Татищев, она трижды принималась за новое произведение и трижды терпела неудачу. В изда-

тельстве уже несколько раз ей вежливо намекали, что будут рады получить ее очередной триллер, но Ирина, сославшись на личные проблемы, сказала, что берет творческий отпуск.

Не могла же она заявить, что потеряла способность писать! У нее было несколько сюжетов, заслуживающих внимания, но, как только она оказывалась перед компьютером, способность превращать идеи и чувства в слова испарялась. Раньше с ней никогда такого не бывало. А сейчас...

– Я постараюсь не разочаровать моих любимых и преданных поклонников, – сказала Ирина. – Я... в данный момент разрабатываю концепцию моего нового романа. Не могу сказать, когда именно он выйдет, но надеюсь, что вам не придется долго ждать.

– Ирина Вениаминовна, мы вас любим! – галдели несколько девушек. – И пожалуйста, подпишите и нам книги, мы прочитали все ваши произведения! Это так захватывающе! Вы самая лучшая!

Так прошло около получаса. Ирина с тоской взглянула на редактора, стоявшего у нее за спиной. Очередь, выстроившаяся к ее столу, не только не уменьшалась, а, наоборот, становилась все длиннее. Раньше Ирина практически всегда давала автографы всем желающим, даже если для этого требовалось несколько часов, но сегодня она была не в силах.

– Прошу вас, и мне тоже, – перед ней возникла высокая старуха со смуглым лицом. – Я большая ваша поклонница.

– Кому должно быть посвящение? – спросила Ирина.

Старуха ответила:

– Вам.

Татищева, недоумевающая, подняла голову. Странная посетительница была одета в какую-то хламиду, больше похожую... на монашеское одеяние. И лицо запоминающееся. Добрый взгляд властных глаз, упрямый рот, благородные черты лица.

– Мне? – спросила Ирина. Ей показалось, что она отгорожена незримой стеной от суетливой и нетерпеливой толпы читателей. – Но почему мне?

– Потому что тебе вскоре придется испытать многое, – сказала старуха. – И запомни – паук тебя спасет.

– Что? – изумилась Ирина. Внезапно гомон в огромном зале книжного магазина смолк, как будто она осталась наедине с необычной читательницей. – О чем это вы? Я не совсем понимаю...

Старуха смотрела на нее пронзительными голубыми глазами, и Ирина ощутила вдруг страх. Она что, умалишенная? Ведь такое вполне может быть...

– Паук тебя спасет, – произнесла старуха еще раз отчетливо.

Ирина повернулась к представителю издательства.

– Я не понимаю, о чем это она, – сказала она. – Что за бред!

Представитель издательства ответил:

– Прошу прощения, Ирина Вениаминовна, но дама хочет получить автограф, будьте так любезны... Еще десять минут, и потом мы завершаем. Сегодня удивительно большой наплыв публики.

– Так кому же я должна посвятить автограф? – спросила Ирина, поворачиваясь к старухе. – И что значит ваша фраза о пауке?

– Верочке, – услышала она ответ. Но старухи уже не было, перед ней стояла молодая полноватая дама в желтом, как перья цыпленка, костюме. – Ирина Вениаминовна, я в восторге от ваших романов, у меня есть все ваши произведения, и я жду того часа, когда вы напишете новый. Пообещайте, что это будет скоро!

– А где она? – в растерянности произнесла Ирина. Она снова слышала громкие голоса, смех и крики читателей, которые столпились около ее стола. Тишина, окутавшая ее, исчезла

так же внезапно, как и появилась. Но старухи нигде не было. Не могла же она просто испариться за три секунды, пока Ирина говорила с представителем издательства.

– Кто? – произнесла полноватая дама и обернулась. – Вы кого-то ищете?

– Ну да, – ответила Ирина. – Старуху, она только что была здесь.

– Но здесь не было никакой старухи, – произнесла читательница в некотором замешательстве. – А это так важно, Ирина Вениаминовна?

Татищева потрясла головой. Не может быть, чтобы старуха в непонятном, похожем на монашеское одеянии ей причудилась. Или она заснула – всего на какую-то долю секунды, и ее воображение выкинуло такую странную шутку?

– Нет, это совсем неважно, – сказала тихо Ирина. – Значит, Верочке?

Она быстро написала на титульном листе несколько слов, протянула книгу толстушке. Та, счастливо улыбаясь, воскликнула:

– Ирина Вениаминовна, я вас обожаю! – Затем она прочитала посвящение, которое написала Ирина, и спросила: – Но почему вы написали здесь такую странную фразу?

Ирина, взяв у нее книгу, увидела, что ее собственным почерком было написано следующее: «Паук тебя спасет». И ее подпись. «Паук тебя спасет» – те самые слова, которые произнесла старуха. Старуха, которой, может быть, вовсе и не было.

– Прощу прощения, – выдавила из себя Татищева. – Это... это название моего нового романа...

– Ах, как я счастлива, что стала первой, кому вы сообщили это! Какое интригующее название! Я никому не скажу! – воскликнула дамочка, и ее оттеснили напирающие читатели.

Последние пять минут были самыми напряженными. Как только представитель издательства объявил, что встреча с Ириной Вениаминовной подходит к концу, раздались крики, десятки рук протягивали писательнице экземпляры ее нового романа с единственной просьбой – получить автограф.

Наконец тяжелый день остался позади. Ирина, мило улыбнувшись, поблагодарила присутствующих за их преданность и любовь к ее произведениям и поднялась из-за стола.

– Все прошло как нельзя лучше, – сказал ей директор книжного магазина, в чьем кабинете они оказались снова. – Ирина Вениаминовна, вы просто феномен, далеко не каждый писатель собирает такое количество посетителей.

– Вы ее видели? – обратилась Ирина к представителю издательства с вопросом. Таинственная старуха, проронившая бессмысленную фразу, никак не давала ей покоя.

– Кого вы имеете в виду, Ирина Вениаминовна? – спросил тот. – Журналистку с Первого канала или жену мэра? Они все ваши поклонницы.

– Да нет же, старуху, вы же стояли за мной и не могли не видеть ее. Высокая, облаченная во что-то белое, отчасти похожее на монашеский наряд. Она еще произнесла странную фразу, а потом исчезла... Перед тем как вы мне сказали, что надо потерпеть еще десять минут.

Представитель издательства наморщил лоб, пытаясь припомнить, а потом произнес:

– Я не очень следил за потоком читателей, Ирина Вениаминовна, а что, эта старуха сказала что-то неприятное? Тогда просто не обращайтесь на это внимания, вы же поняли, что некоторые приходят на встречи подобного рода, чтобы сказать гадости.

– Значит, вы ее не видели, – констатировала Ирина. – Но это не так важно. Это совершенно неважно...

«Паук тебя спасет». Какой смысл может скрываться за этой фразой? Господи, неужели никто, кроме нее самой, не видел ту странную посетительницу? Значит, это была игра ее воображения. Андрей наверняка заинтересуется этим феноменом.

Она терпеть не могла пауков. Ирина вообще-то любила животных, но пауки внушали ей безмерное отвращение и стойкое чувство гадливости.

Ирина оказалась у себя дома через час. Еще до того, как она превратилась в знаменитую писательницу, благодаря деньгам Олега они могли позволить себе очень многое. Они обитали в большом коттедже, а теперь...

После разрыва с Олегом она отказалась принять его предложение и остаться жить в особняке. То, что имелось в прошлом, уже не вернуть. Да и у нее имелось достаточно средств, чтобы купить собственное жилище.

Она проживала теперь в светлой башне из кирпича и стекла, ей принадлежала большая и не обжитая еще квартира. Квартира, в которой никогда не будет места для Олега. Ирина не держала на него зла, ей только было бесконечно противно осознавать, что она жила многие годы вместе с человеком, который лгал ей. Этот скандал с девицами легкого поведения, героиновыми вечеринками и тратами десятков тысяч долларов из кассы партии! А Олег твердил ей, что задерживается в Думе или ему предстоит важная командировка: мол, необходимо смотаться на несколько дней в регионы. На самом деле это все была подлая игра.

Она приняла его предложение о разводе сразу же. Олег задействовал все свои связи для того, чтобы их разрыв не вызвал шума и суеты. Он все еще надеялся, что скандал, который только начинал набирать обороты, минует его, как весенняя гроза, без особых последствий. Он ошибся. Его соратники сдали одного из создателей и спонсоров партии.

Ирина после разрыва оборвала всяческие связи с Олегом. Вчера она видела его на экране телевизора – он растерял прежний лоск, уверенность в себе и красноречие улетучились, остались желчная злоба и гнев. Олег называл бывших однопартийцев предателями, намекал на то, что они сами замешаны в куда более серьезных аферах, и под конец интервью заявил, что вскоре намерен представить компромат на тех, кто пытается изображать из себя святых.

Ей стало жалко бывшего мужа. Надо же, он никак не мог понять, что его время прошло. Впрочем, Ирина это уже давно подметила, подобным недугом – неспособностью понять, что настала пора исчезнуть с политической арены, – страдали все или почти все представители политической элиты.

Татищева прошла в просторный коридор, который был заставлен коробками. У нее нет ни малейшего желания распаковывать вещи, да и зачем? В последнее время она ощущала ужасную апатию. И страх.

О том, что она не может больше писать, знал только Андрей Кирьянов, ее психотерапевт. И он уверял ее, что это временное явление, результат кризиса, который она переживает. Но Ирина не была в этом уверена.

Она прошла на кухню, включила электрический чайник. Чашка ароматного кофе с молоком никогда не помешает. Потом прослушала несколько сообщений на автоответчике. В последнее время она предпочитала не брать трубку, не узнав сначала, кто ей звонит. Так и есть, несколько журналистов с просьбами дать интервью или прокомментировать исключение Олега из рядов партии. Затем сам Олег – ему требуется утешение. Но только не от нее. У него уже появилась очередная подружка, и Ирина не собирается превращаться в слабовольную особу, которая позволяет бывшему мужу уходить и возвращаться по десять раз.

Прихватив кружку с кофе, Ирина отправилась в кабинет, где на столе возвышался монстр, некогда бывший ее лучшим другом, – компьютер. Она не подходила к нему уже две недели. Все равно ничего путного не выйдет. Мысли, которые сейчас роятся у нее в голове, мгновенно исчезают, как только она оказывается перед компьютером. Она пыталась писать от руки, но это не помогло, результат был все тем же – неутешительным и негативным.

Ирина смело включила компьютер, зашла в файл своего нового романа, который начала еще полтора месяца назад. Все те же семь страниц, предложение, оборванное на полуслове. И у нее нет ни малейшего желания продолжать. Но как же дальше? Только сегодня представитель издательства поинтересовался, не передумала ли она взять творческий отпуск.

– Ну что же, попробуем, – сказала Ирина вслух, прочитала последний абзац и попыталась сконцентрироваться. Где мысли, которые только что роились в голове? Почему, как только ее пальцы оказываются на клавиатуре, мозг впадает в ступор? Андрей говорит, что это своеобразная защитная реакция организма на стресс, который она испытала после развода с мужем. Но это ведь не так! Ей совершенно все равно, что произошло с Олегом, она его не любит, он ее предал...

Или она только пытается внушить себе это? Все же Олег был частью ее жизни почти восемь лет, она вышла за него замуж через год после окончания университета. Он, начинающий бизнесмен, сразу же пленил ее мальчишеской улыбкой и юмором. А на самом деле за этим фасадом скрывались обман и разврат.

Вздыхнув, Ирина раскрыла файлы со своими предыдущими произведениями. Первые она писала на тяжелой и неуклюжей печатной машинке и только потом стала использовать в работе куда более удобный компьютер.

Вот они, ее романы, все в электронной форме. Когда-то ей доставляло удовольствие придумывать сюжет, закручивать действие, а теперь... Андрей говорит, что ей необходимо отвлечься, взять отпуск, сменить обстановку, в конце концов, завести новую любовь. Но проще сказать, чем сделать.

Татищева, в течение нескольких минут обдумав вертевшуюся в голове фразу, начала писать. Так и есть, первые два абзаца дались легко, а потом... Потом она ощутила непонятную усталость. Мысли разбежались, настроение упало. Неужели даже в том, что она потеряла способность писать, виноват Олег? Да нет же, она совершенно не держала зла на бывшего мужа. Рано или поздно их брак должен был закончиться разводом. Но, конечно, не таким грязным и публичным.

Ирина закрыла текстовый файл и нашла одну из «игрушек». Занятие, достойное знаменитой писательницы. Вместо того чтобы ваять очередной шедевр, она пытается вместе с охотницей за сокровищами Лорой Крофт найти выход из подземелья. Ирина подумала, что она в чем-то похожа на главную героиню этой игры. Ей также необходимо найти выход, и чем скорее, тем лучше. Еще несколько месяцев, полгода или максимум год, а потом возникнет вопрос – Ирина Вениаминовна, когда же мы увидим ваш новый роман? И что она ответит на это? Что она разучилась писать и не собирается больше прикасаться к компьютерной клавиатуре.

Андрей Кирьянов обещал ей помочь. Впервые попав к нему на прием, она ожидала увидеть пожилого доктора, чем-то напоминающего Зигмунда Фрейда: борода, возможно, трубка, безукоризненный английский костюм. Правильным оказалось только последнее ее предположение, Кирьянов на самом деле носил великолепные, наверняка сшитые на заказ костюмы. Ее сбilo с толку отчество – Самуилович. Человеку с таким отчеством, по ее мнению, должно быть как минимум шестьдесят.

На самом деле Кирьянову оказалось не более сорока, белозубой улыбкой он походил на голливудскую кинозвезду, его манеры и обхождение внушали оптимизм и спокойствие. Он считался одним из лучших психоаналитиков столицы.

Ирина поймала себя на мысли, а не увлеклась ли она Андреем. Да нет, как такое может быть! Она ничего не знала о личной жизни Кирьянова, объектом постоянного исследования была именно ее личная жизнь.

Взглянув на часы, Ирина с удивлением отметила, что уже половина двенадцатого. Надо же, она провела у компьютера почти полтора часа и не заметила этого. А путного-то ничего не сделала. Три с половиной абзаца, едва ли половина страницы, не густо, Ириша. С такими темпами на то, чтобы написать средний по объему роман, тебе потребуется года два.

Ну что ж, решила Татищева, если пока она не в состоянии творить, то необходимо хотя бы наметить сюжет. Она давно хотела написать камерную семейную драму – узкий круг подозре-

ваемых, богатый старик, который внезапно умирает, как выясняется позднее, от отравления, его внука, неожиданно получающая все его состояние и становящаяся первой подозреваемой. Кто же должен быть убийцей? Кто-то из милых родственников. А какой выбрать яд?

Решив, что спать пока отправляться рано – она все равно была типичной «совой» и предпочитала работать вечером и ночью, Ирина попыталась вспомнить, где же находится громоздкий и старинный справочник по токсикологии. Ей нужно найти какой-нибудь алкалоид, растительный яд, при помощи которого некто из числа родственников отправит горячо любимого патриарха на тот свет.

Татищева оглянулась. В ее новой квартире царил невообразимый кавардак. Она не хотела, чтобы кто-либо, например, ее суетливая мама или сестра, помогал ей разбирать вещи. Многие из них необходимо выкинуть, как она сделала, например, с той самой печатной машинкой, на которой создавались ее первые произведения. Да и вообще, при переезде из особняка, где она провела годы вместе с Олегом, Ирина избавилась от множества тяготивших ее воспоминаний и ненужных вещей. И первым в этом списке был сам Олег.

Что ж, если приобрести соответствующую мебель, то из дома выйдет толк, подумала Ирина. Квартира, в которой она будет одна, совершенна одна. Иногда одиночество не так уж и плохо!

Она прошествовала по всем комнатам, задевая многочисленные коробки и ящики с барахлом. Ну куда же она умудрилась запихнуть книги по медицине? Впрочем, неудивительно, что она не может их сейчас найти, ведь укладывать вещи ей помогала мама, суетливая и вечно спешащая и при этом всегда лучше других знающая, что и как надо делать.

Ирина подошла к антресолям. Надо же, и они забиты вещами. Ага, кажется, она обнаружила то, что требуется. Вот он, ящик с надписью «Медицина». Судя по всему, кто-то из грузчиков по команде ее матери поставил тяжеленный ящик наверх. Придется сейчас вытаскивать его, он весит наверняка не один десяток килограммов.

Обижаться на мать Ирина давно отучилась. Все равно это ничего не даст. Лидия Петровна, сменив четырех супругов, разумеется, знала, что ее дочери никогда не смогут самостоятельно распорядиться собственной жизнью без ее вмешательства.

Ирина отыскала складную лестницу, убедилась, что та не сложится под ней, и забралась наверх. Тронула возделенный ящик с книгами по медицинской тематике. Небось справочник по ядам лежит в самом низу, иначе и быть не может.

Татищева попыталась приподнять ящик, с большим трудом ей это удалось. Надо же, какой тяжелый. Но как она его сумеет стащить вниз? Она же не удержит его, в нем никак не меньше сорока или пятидесяти килограммов. Может быть, наклонить его и попытаться заглянуть вовнутрь?

Ирина так и сделала. Она вытащила ящик наполовину из антресолей, теперь, если его наклонить... В нос попала едкая пыль, Ирина звонко чихнула. Затем она заметила какое-то движение, рука инстинктивно дернулась. Из зазора между ящиком и стеной выполз паук – достаточно крупный, мохнатый, омерзительный. Ирина содрогнулась от отвращения.

– Фу-ты! – воскликнула она и спрыгнула со ступенек лестницы на пол. Паук также приземлился на паркет. Перебирая конечностями, он потрусил в сторону кухни. Ирина отбежала в сторону. Она понимала, что паук вряд ли причинит ей зло – это все же не птицевед и не каракрут, – но пересилить себя не могла.

Раздался шорох. Ирина подняла голову. Ящик, который она выдвинула из антресолей, закачался. Она не успела опомниться, как он, накренившись, грохнулся на пол, а вместе с ним вниз полетела и старинная пишущая машинка. Ударившись о ступеньки лестницы, она с грохотом обрушилась на паркет, лестница, качнувшись, упала вслед за ней.

Все это произошло в течение пары секунд. Ирина с ужасом наблюдала за происходящим. Как же ей повезло, машинка, оказывается, была на ящике, Ирина не могла этого видеть и с глу-

пым упорством пыталась склонить его. Если бы она стояла на лестнице, на нее сначала обрушился бы тяжеленный короб с книгами, затем пишущая машинка, а потом Ирина сама бы сверзилась вниз. Парочка переломов – и это было бы еще счастливым исходом. Можно представить, какое сообщение появилось бы назавтра в прессе, – известная писательница Ирина Татищева гибнет в собственной квартире, придавленная пишущей машинкой. Истинно литературная смерть! Постмодернисты были бы в восторге!

Ирина натужно рассмеялась, однако почувствовала страх. Отчего? Да хотя бы потому, что точно помнила – этот древний «Ундервуд» она выбросила. В день переезда она попросила одного из рабочих отнести его к мусорным контейнерам. Тот, подхватив железного мастодонта, исполнил ее просьбу. И каким же образом машинка опять оказалась в ее квартире? Неужели рабочий, неправильно истолковав ее просьбу, поставил «Ундервуд» в фургон? Ирина не могла этого понять. Она была уверена, что не видела машинку в квартире...

Получается... Получается, что если бы не паук, который выполз непонятно откуда, напугал ее и заставил спрыгнуть с лестницы, то она бы уже погибла под грудой железа и книг. Паук... Ирина моментально вспомнила фразу странной старухи сегодня во время встречи с читателями: «Паук тебя спасет».

Паук спас ее. Но это бред! Неужели у нее начинаются галлюцинации, ведь старуху никто, кроме нее самой, не видел. И как паук мог спасти ей жизнь? Ирина посмотрела на порог кухни. Черный клубок, застывший на паркете, снова побежал. Паук словно следил за ходом ее мыслей.

Ирина мотнула головой. Нет, она и думать об этом не собирается! Но старуха, предостерегавшая ее, никак не шла у Ирины из головы. Татищева подошла к ящику с книгами, лежавшему на боку. Там по токсикологии валялся сверху. Но желание продумывать сюжет у нее пропало. Ирина подхватила пишущую машинку и поставила ее в угол.

Раздался пронзительный телефонный звонок. От неожиданности Ирина вздрогнула. Уже никак не меньше полуночи, кто может звонить в такой час? Дождавшись, пока включится автоответчик, Ирина услышала голос матери:

– Ирочка, деточка, я же знаю, что ты сейчас дома, возьми трубку, прошу тебя.

Мама, кто же еще! Лидия Петровна могла позвонить в любой удобный для себя час. Она даже не задавалась вопросом, что делает тот человек, которому она звонит: спит или занимается неотложными делами. Здоровая эгоистка, Лидия Петровна никогда не интересовалась проблемами окружающих.

– Ну наконец-то, Ира, – произнесла Лидия Петровна, услышав голос дочери. – После того как ты переехала в отдельную квартиру, к тебе дозвониться сложнее, чем в Белый дом.

– Мама, а ты пробовала? – попыталась вяло возразить Ирина, но мать уже полностью завладела разговором:

– Дорогая моя, оставь такие замечания для своих книжек. И кстати, Ирочка, ты ведь уже работаешь над своим новым романом? Скажи, что да!

Ирина вздохнула. Мама звонила, чтобы по чьей-то наводке узнать, как продвигается дело с книгой. Лидия Петровна последние сорок лет жила, ни в чем не нуждаясь, два ее первых мужа занимали ответственные посты в партийных структурах, третий был директором крупного универмага (с ним не повезло, так как его посадили на двадцать лет за крупные растраты), последний же, известный ювелир, скончался, оставив вдове весьма солидное состояние. Однако Лидия Петровна предпочитала жить за счет дочерей и их мужей. Обеспокоенная разрывом Ирины с Олегом, человеком более чем состоятельным, она то и дело подстегивала дочь вопросом о том, как движется работа над новым романом. Еще бы, если Ирина не будет зарабатывать деньги, кто же позаботится о старой мамочке?

– Да, да, – ответила Ирина. Она знала, что Лидия Петровна слышит только то, что желает услышать. – Я сегодня начала...

– Ты у меня молодец, – произнесла мать. – Увы, я не смогла приехать на твою встречу с читателями, но уверена, что все прошло замечательно.

– Более чем, – подтвердила Татищева. – Если не считать нездорового интереса журналистов к нашему разводу и исключению Олега из партии.

– Ах, нашла о чем беспокоиться! – воскликнула Лидия Петровна. – Ирочка, когда арестовали моего третьего супруга, Никанора Давыдовича, то неприятностей у меня было побольше, чем у тебя. Ты этого не помнишь, тогда ты только начала учиться в школе. Поверь мне, они поговорят два-три дня, а потом накинута на новую жертву. Ну ладно, оставим это, я звоню тебе по важному поводу...

Ирина знала: у Лидии Петровны любой повод был важным. Она с тоской прислушалась к голосу матери, та отличалась способностью говорить по телефону в течение трех и более часов подряд.

– Чем ты занимаешься послезавтра? В любом случае это уже не так важно, дорогая. Ты ведь знаешь о том, что Лайма и Володя открывают свою галерею? Мы туда приглашены, ты помнишь?

– Да, я получила от них приглашение, – произнесла Татищева. Лайма была ее двоюродной сестрой, а Владимир – ее мужем. Он, крупный менеджер в одном из нефтехимических концернов, вместе со своей супругой, историком по образованию, увлекался археологией и по праву считался одним из наиболее успешных коллекционеров древностей в стране.

– Лаймочка позвонила мне сегодня, сказала, что будет рада видеть нас с тобой на открытии выставки. Она только что вернулась из Южной Америки, работала в каких-то пирамидах или храмах индейцев, я так и не уловила сути. Она утверждает, что пыталась до тебя дозвониться, но все время нарывалась на этот ужасный автоответчик. Оксана, увы, не сможет, ей необходимо лететь в Швецию, а вот ты, моя дорогая!.. – заявила Лидия Петровна.

Ирина поняла: ее старшая сестра, генетик по образованию, сумела отвертеться от приглашения, а вот ей придется сопровождать мать на торжественное открытие частной галереи.

– Я обещала дорогой племяннице, что мы обязательно будем. Ты ведь не разочаруешь свою старую мамочку? – просюсюкала Лидия Петровна.

Ирина ответила:

– Ну конечно, мама, я поеду с тобой. Я так давно не видела Лайму, как у нее дела?

– Все отлично, отлично, – радостно сказала Лидия Петровна. – Я же говорила тебе или еще нет, что после открытия галереи они устраивают торжественный прием в своем особняке – только для избранных, то есть для нас в том числе. Ну, мы еще созвонимся, деточка...

– Мама, – перебила ее Ирина, – ты помнишь старую пишущую машинку, которая была у меня? Не знаешь, куда она делась?

– Ты же сама ее выбросила, дочка, – произнесла Лидия Петровна. – По крайней мере, ты мне так сказала. А что, ты решила снова использовать ее? Но у тебя же есть великолепный компьютер, кстати, сколько он стоил?

Значит, мама непричастна к тому, что пишущая машинка снова оказалась у нее дома. Но тогда как та очутилась на антресолях? Ответов на многочисленные вопросы не было.

– Я поняла, мама, а теперь извини, мне нужно работать...

Лидия Петровна запричитала:

– Сколько раз я говорила тебе, Ира, что работать писателям нужно с утра, я же читала в журнале: работоспособность выше всего с девяти до одиннадцати, а ты строчишь после полуночи, куда это годится! И вот еще что, мне звонил Олег, он хотел с тобой поговорить...

– Зато я не хочу, – отрезала Ирина. Она знала: Лидия Петровна с самого начала была в восторге от зятя, в особенности от содержимого его кошелька, и развод дочери восприняла как личную трагедию. Наверняка она будет пытаться снова свести их.

– Ты сегодня явно не в настроении, Ирочка, – прошептала Лидия Петровна. – Но мы с тобой обо всем еще поговорим. Тебе привет от Оксаночки, готовь праздничный наряд, я тебе позвоню!

В трубке раздались отрывистые гудки. Ирина присела на несколько минут перед компьютером. Ей внезапно стало не по себе. Что все это значит? Ящик и пишущая машинка, паук, выползший из темного угла, сумасшедшая старуха с непонятным пророчеством – все это по отдельности просто банально. И в то же время, соединенные вместе, эти события образуют зловещую цепочку. Но ведь сегодня ей не причудилось, старуха говорила именно о пауке, который спасет ей жизнь. По большому счету так и произошло.

Ирина давно чувствовала, что гроза надвигается. Смутное, неясное ощущение чего-то страшного и ужасного – того, чему она не может оказать сопротивления. Или это только ее буйная писательская фантазия? Логического и рационального объяснения всему случившемуся она найти не могла. Однако, как говорил гениальный Шерлок Холмс, если все разумные и естественные объяснения не подходят, то остается только одно – сверхъестественное...

Чувствуя, что глаза устают от света монитора, Ирина выключила компьютер. Стрелки часов показывали три четверти первого. Усталости пока не было, поэтому, прихватив один из новых детективов Энн Грейнджер, Ирина присела на софу. По крайней мере, если у нее исчезла способность писать, то сохранились навыки чтения – хотя бы и чужих произведений.

Смертоносная выставка

– Ах, тетя Лида, как я рада видеть вас! – воскликнула Лайма, встречая Лидию Петровну и Ирину. – Ирочка, какой сюрприз, я не могла до тебя дозвониться!

Облаченная в темно-синее платье, со сверкающей ниткой бриллиантов вокруг тонкой шейки, Лайма, как всегда, была великолепна. Лидия Петровна с любопытством уставилась на несколько милицейских машин, которые стояли у въезда в частную галерею.

– У вас что-то произошло, милочка? – спросила она. – Неужели вас попытались ограбить? Лайма смутилась, а затем ответила вполголоса:

– Да нет же, у нас одна из самых совершенных систем безопасности в стране, просто сегодня ночью... произошел нелепый трагический случай, скончался охранник, сердечный приступ...

– Вот оно что, – протянула Лидия Петровна. – Ну что ж, Лаймочка, и такое бывает.

– Ему было чуть за пятьдесят, он отставной офицер, – продолжила Лайма, однако Ирина заметила, что ее двоюродная сестра слишком уж волнуется. – Его обнаружил Володя, когда приехал сюда рано утром. Бедняга умер прямо перед витриной в центральном зале. Требовалось подготовить все к открытию. Тело уже давно увезли, никакого криминала, но все равно...

– Ты права, безусловно, права, – перебила ее Лидия Петровна. – Все равно неприятный осадок остается. Однако я надеюсь, что вы не перенесли из-за этого открытие галереи? Все мы смертны...

Ирина снова узнала свою мать – чужая трагедия никогда не выведет ее из равновесия, она думает только о себе и о собственных неурядицах.

– Да нет, что вы, тетя Лида, – сказала Лайма, – мы с Володей вложили в нашу галерею столько сил и средств... Разумеется, открытие состоится. Вы можете пройти в холл, придется немного подождать, не более пятнадцати минут, затем начнется торжественная часть.

Ирина с любопытством оглядела галерею Мироновых. Лайма специализировалась на доколумбовой эпохе Южной Америки, они с Владимиром собрали редкостную коллекцию индейских артефактов. И, насколько могла судить Ирина, все это стоило не один миллион. Лайма преподавала в двух столичных вузах, наряду с этим читала лекции в американском университете. Владимир, плененный страстью жены к индейским древностям, безоговорочно оплачивал все ее экспедиции и вкладывал деньги в новые приобретения. Например, эта галерея в самом центре Москвы, аренда здания и ремонт обошлись в весьма крупную сумму. Впрочем, если учесть, что Владимир был то ли вице-президентом, то ли еще кем-то в крупнейшем нефтехимическом концерне, то денег у него было предостаточно.

Супруг Лаймы, подтянутый и моложавый, облаченный в смокинг, встречал их в небольшом уютном холле галереи. Он галантно поцеловал руку сначала Лидии Петровне, затем Ирине.

– Как вы хорошо все оформили, – похвалила Лидия Петровна. – Сразу видно, что у людей водятся деньги.

– Милая Лидия Петровна, – ответил Владимир. – Ради моей Лаймы я готов на все, вы же это знаете. Признаться, вы правы, наше увлечение – дорогостоящее хобби, но и отдача тоже значительная. Если бы вы знали, с каким энтузиазмом Лайма принималась за обустройство галереи.

– Владимир Сергеевич, – Миронова прервал невысокий лысоватый субъект с уставшими глазами, одетый в помятый костюм, – мы закончили...

Миронов, обернувшись к незнакомцу, представил его Лидии Петровне и Ирине:

– Илья Евгеньевич Татарчук, следователь прокуратуры, который... который проводит дознание по факту смерти охранника, я ведь правильно вас представил?

Следователь Татарчук вздохнул:

– Я повторяю, Владимир Сергеевич, мы завершили. Я понимаю, что у вас на сегодня запланировано торжественное мероприятие, посему желаю вам всего хорошего. Окончательный вывод о причине смерти охранника сделает судебно-медицинский эксперт, однако, как я уже говорил, предварительный вывод – смерть от естественных причин. Думаю, вам теперь нужно нанимать на работу человека помоложе.

Следователь говорил монотонным, усталым тоном, скорее всего, он замучен работой и семьей, подумала Ирина. Татарчук, переведя взгляд на Ирину, встрепенулся:

– А вы ведь Ирина Татищева, не так ли? Знаменитая писательница?

– Да, это так, – важно ответила Лидия Петровна. – Это моя дочь. Ирочка, – она повернулась к Татищевой, – молодой человек явно не откажется от твоего автографа.

– Да нет же, – сказал холодно Татарчук. – Я хотел сказать, что в ваших детективах вы совершенно неправдоподобно описываете работу внутренних органов, совсем неправдоподобно...

– Разрешите предложить вам закуску, бутерброды с черной икрой, – быстро перебил его Миронов, подзывая к себе официанта с подносом. – Илья Евгеньевич, вы наверняка проголодались, вы у нас тут уже полдня. Я бы предложил вам шампанского или чего-то покрепче, но, понимаю, вы на службе.

– От бутербродов с икрой не откажусь, – сказал коротышка, хватая сразу два. – А это что у вас, балык? Ага, его я тоже люблю. Вы правы, я у вас тут намучился, с этим умершим охранником столько мороки, ладно бы вас грабнули или его убили, так нет, весь переполох из-за сердечного приступа...

Ирина не смогла сдержать улыбки. Следователь Татарчук наверняка прав: о милиции она писать не умеет, хотя и консультировалась с несколькими следователями и даже приезжала на день в настоящий отдел по раскрытию убийств. Но почему-то все милиционеры выходили у нее или злодеями, методично планирующими уничтожение героини, или романтическими личностями, которые спасают героиню из лап вышеупомянутых злодеев. Но Илья Евгеньевич Татарчук был весьма колоритной личностью, Ирина решила, что не откажет себе в удовольствии описать его в своем новом романе – если таковой появится вообще.

– Я хочу дать вам, уважаемая писательница, несколько советов, – с набитым ртом продолжал Татарчук. – Эй, официант, что это у тебя, буженина, неси сюда! Во-первых, когда вы описывали сцену захвата заложников в прокуратуре обезумевшим маньяком, у вас там громоздится одна нелепица на другой...

Ирина приготовилась слушать многословные объяснения Татарчука. Ей уже попадались подобные читатели, которые, похоже, покупают романы исключительно с одной целью – искать в них несоответствия и ошибки. Впрочем, она сама виновата, если дает им повод эти ошибки выискивать.

Она вполуха слушала монотонное ворчание Ильи Евгеньевича, одновременно наблюдая за прибывающими гостями. Несколько знакомых лиц, кто-то из Министерства культуры, два или три известных журналиста, прочий бомонд.

– Нет, достопочтенная Зинаида Аполлинарьевна, я позволю себе с вами не согласиться, – услышала она густой бас. Ее внимание привлекла странная тройца. Нескладный и высокий пожилой человек, похожий на ученого, с клиновидной бородкой и длинными бело-снежно-седыми волосами, бурно жестикулируя руками, высовывающимся из манжет короткого смокинга, объяснял что-то плотной и величественной даме в красном платье и рыжем парике. Рядом со смешным ученым суетился худосочный молодой человек с чахлыми черными усиками и блестящим пробором посередине лысеющей головы, который при ближайшем рассмотрении оказался не таким уж и молодым. Он ловил каждое слово бородача и поддаки-

вал ему. Дама в красном не смотрела на собеседника, словно его и не слушая, а потом произнесла:

– Ярослав Мефодьевич, я знаю вашу точку зрения, я полемизировала с вами на страницах «Вестника археологии», и мне, честно говоря, плевать на те результаты, которые вы получили во время той сомнительной экспедиции в Южной Америке. Ваша трактовка периода владычества дольмеков совершенно не выдерживает никакой критики...

– Да что вы говорите! – воскликнул тот, кого дама именovala Ярославом Мефодьевичем. – Зинаида Аполлинарьевна, вы рассуждаете не как доктор наук и профессор, а как, прошу прощения, дилетант! Вы игнорируете обнаруженные нами при раскопках артефакты и настаиваете на вашей, совершенно нелепой точке зрения. Валера!

Он повернулся к сопровождавшему его худосочному человеку с растительностью над верхней губой, тот поддакнул:

– Мэтр, вы совершенно правы, уважаемая профессор Треухо-Ляпина явно заблуждается!

Дама в парике открыла рот, чтобы дать отпор атаке ассистента, однако к ней приблизилась Лайма.

– Ярослав Мефодьевич, Зинаида Аполлинарьевна, как я рада вас видеть на открытии галереи. Вас, двух самых известных в нашей стране специалистов по дольмекам. Ярослав Мефодьевич, если бы не ваша помощь во время экспедиции после ужасной гибели профессора Венденяпина, я бы ни за что не справилась с поставленной задачей. Валера, привет, – обратилась она к помощнику профессора.

Ирина слушала монолог следователя Татарчука, который с рекордной скоростью поглощал один бутерброд за другим и вещал, приводя ей все новые и новые ошибки в ее же романах.

– А как вы описывали работу патологоанатома, это ведь курам на смех! Насмотрелись американских сериалов про полицию, понабрали оттуда сомнительной информации и думаете, что можете писать о том, как это происходит в России?

Татищева, чувствуя, что от скрежечущего голоса следователя у нее начинает болеть голова, извинилась и отошла в сторону. Илья Евгеньевич явно не понял, почему Ирина Татищева бросила его. Он повернулся к стоявшему недалеко официанту и спросил:

– Разве я сказал что-то не то? И где у вас бутерброды с севрюгой?

Как Лайма и обещала, прошло чуть больше пятнадцати минут, и началась торжественная церемония открытия галереи. Немного волнуясь, Лайма, выйдя на середину зала, произнесла:

– Дамы и господа! Я чрезвычайно рада от лица моего супруга, Владимира Миронова, без чьей поддержки эта галерея никогда не увидела бы свет, и от своего лица приветствовать вас. В этой галерее для всеобщего обозрения будут выставляться предметы, находящиеся в нашей личной коллекции, мы планируем представить вашему вниманию культуру наиболее загадочного племени южноамериканских индейцев-дольмеков. Я рада отметить, что сегодня среди нас находятся два наиболее выдающихся специалиста по дольмекам в нашей стране, а возможно, и в мире: профессор Зинаида Аполлинарьевна Треухо-Ляпина и профессор Ярослав Мефодьевич Иваницкий. Увы, профессор Николай Антонович Венденяпин не дожид до этого светлого момента, его жизнь, как нам всем известно, оборвал ужасный несчастный случай во время археологической экспедиции в Южной Америке. Но его дело продолжил многоуважаемый профессор Иваницкий, который приложил все силы для того, чтобы сегодня мы имели возможность открыть нашу галерею.

Лайма обвела взглядом притихших гостей. Затем продолжила:

– Дольмеки, без всякого сомнения, являются одним из самых загадочных индейских племен, секреты их цивилизации до сих пор остаются под покровом таинственности, а причина их гибели так точно и не установлена.

Ирина не особенно увлекалась историей, однако о дольмеках и гибели профессора Николая Венденяпина была наслышана, об этом передавали по всем каналам телевидения, все же

из жизни ушел корифей отечественной науки, ученый, имеющий международный вес. И погиб он при очень странных обстоятельствах.

Кажется, он упал с водопада где-то в Южной Америке. Тело профессора смогли обнаружить только день спустя. Ирина поежилась. Все эти раскопки и поездки к индейцам всегда чреваты чем-то страшным и смертельным.

А потом... Какие-то неясные слухи о том, что профессор на самом деле стал очередной жертвой некоего проклятия. Ирина вспомнила, как смотрела поздно ночью передачу по одному из каналов, в которой упорно доказывали, что древние цивилизации умели хранить свои секреты и защищать свои сокровища от чужаков.

Но одно дело слышать о гибели незнакомого профессора с экрана телевизора, и совсем другое – общаться с его друзьями и коллегами. Дольмеки, одно из индейских племен... При мысли о них Татищева вспомнила и другие племена – например, ацтеков. Те, говорят, приносили в жертву своим языческим богам людей, причем в массовом количестве. Эльдorado, запрятанный где-то в джунглях мифический город, заполненный сокровищами... Неплохой сюжет для романа, но Ирина предпочитала разворачивать действие не в экзотических странах, а в России.

– Цивилизация дольмеков, без сомнения, хранит множество секретов, и во время нашей последней экспедиции мы попытались раскрыть хотя бы некоторые из них. Как вам всем наверняка известно, именно присутствующий здесь уважаемый Ярослав Мефодьевич Иваницкий вместе со своим давним другом и коллегой покойным профессором Венденяпиным обнаружил в Храме Звезд подземный уровень, а это значит, что в ближайшее время мы станем очевидцами сенсационных открытий и находок, я в этом уверена!

Лайма на мгновение замерла, Ирина посмотрела на присутствующих. Вроде бы все собрались по торжественному поводу, а лица у некоторых такие, как будто это не презентация, а похороны. Например, у полной профессорши с нелепой двойной фамилией, которая во всем противоречила профессору Иваницкому. Сам профессор сразу же понравился Ирине – именно таким, в ее представлении, и должен быть подлинный ученый. Грива белоснежных волос, открытый, немного рассеянный взгляд, очки в тонкой оправе... А вот его ассистент, мужчина лет тридцати с хвостиком, слишком суетлив и подобоострастен. Своим постным и маловыразительным лицом он удивительно походит на вечного британского престолонаследника Чарлза. Обычно такие и оказываются предателями и мерзавцами.

Ирина заметила, что начинает сочинять роман. Надо же, она занимается тем, что придумывает характеры и биографии совершенно незнакомым ей людям. И почему она решила, что помощник профессора подозрительный и гадкий? Может, в этом виноваты жидковатые усики и начинающаяся лысина, которую он пытается скрыть, тщательнейше распределяя оставшиеся волосы по черепу.

– И я думаю, нет, уверена, что Николай Антонович гордился бы открытием этой галереи. Мы вместе с моим супругом решили, что будет вполне оправдано, если здесь появится мемориальный стенд, посвященный профессору Венденяпину.

Раздались аплодисменты. Ирина отметила, что профессорша, скривив сдобное лицо, едва сомкнула пухлые, похожие на непропеченные оладьи руки. Что ж, вполне вероятно, что она не особо жаловала погибшего коллегу, Ирина знала от своей сестры, защитившей кандидатскую диссертацию и преподававшей в вузе, что среди ученых, особенно достигших больших высот и веса, царит конкуренция почище, чем среди коррумпированных политиков. Многолетняя ненависть зачастую выплескивается в самые отвратительные поступки, а беспощадные интриги свели бы с ума самого Цезаря Борджиа.

– Лилия Васильевна, прошу вас, – Лайма подозвала к себе пожилую хрупкую даму, облаченную в розовое платье. Судя по всему, это была вдова профессора Венденяпина, нашедшего смерть в водопаде Южной Америки.

– От имени концерна, в котором работает мой муж, ежегодно, в день рождения Николая Антоновича, 19 ноября, лучшему из отечественных археологов будет присваиваться золотая медаль имени профессора Венденяпина, а также поощрительная премия в размере двадцати пяти тысяч долларов.

Снова раздались одобрителные хлопки, вдова профессора, прослезившись, произнесла короткое благодарственное слово. Подали шампанское. Ирина обернулась и неловко задела локтем пробежавшего мимо официанта. Она тихо вскрикнула, следя за тем, как поднос с десятком хрустальных бокалов, который держал в руке молодой человек, накренился. Однако официант подхватил поднос с края другой рукой, Ирина облегченно вздохнула. Не хватало еще, чтобы из-за ее неуклюжести произошла небольшая катастрофа.

– Извините меня, пожалуйста, – сказала Ирина, обращаясь к официанту.

– Это моя вина, – ответил тот. Ирина почувствовала на себе изучающий взгляд молодого человека. Надо же, а он симпатичный. Одернув себя (нельзя же кидаться на шею первому встречному!), Ирина, взяв бокал, вновь присоединилась к всеобщему торжеству.

– Ирочка, с кем это ты разговаривала? – одернула ее появившаяся рядом Лидия Петровна. – С официантом? Милочка, как можно!

Ирина вздохнула. Мама была невообразимой снобкой, считала, что относится теперь к столичной элите. Последние месяцы она изучала архивы, желая докопаться до своего дворянского прошлого и уверяя всех подруг, что ее прадедом был князь.

– Так себе приемчик, – продолжала Лидия Петровна. – Зря я, что ли, надела изумрудный гарнитур? – Она сверкнула роскошным ожерельем, которое досталось ей от последнего супруга-ювелира.

Гости смолкли, потому что слово на этот раз взял Владимир Миронов. Супруг Лаймы, улыбаясь, сказал:

– Безусловно, покойный профессор Венденяпин сделал очень и очень многое для того, чтобы наша галерея открылась. Но вернемся к тому, ради чего мы, собственно, и собрались. Сегодня действительно необычный день. Потому что... – Владимир умолк, а потом добавил: – Для тех из вас, дамы и господа, кто разбирается в культурном наследии дольмеков, это станет подлинной сенсацией. Прошу! Я думаю, нам не стоит более затягивать открытие нашей экспозиции!

Лайма вместе с профессором Иваницким подошла к красной ленточке, которая отгораживала от собравшихся массивную дверь. Профессор галантно предоставил Лайме право первой перерезать ленту небольшими золочеными ножницами.

Дверь распахнулась, гости не торопясь потекли в большой выставочный зал. Галерея состояла из нескольких помещений, в каждом из которых находилась масса занятых экспонатов. Древняя посуда, наконечники стрел, матовые золотые украшения, каменные плиты со странными значками, в одном из залов под стеклом лежала даже мумия.

В центральном зале возвышалась витрина, отгороженная ширмой. Судя по тому, что Лайма, заметно волнуясь, замерла около нее, там-то и находилось то, что являлось венцом коллекции.

– Дольмеки, как и все центрально- и южноамериканские индейцы, не отличались мирным нравом. Их религия и мифология строятся на жестокости и крови. Тремя главными богами дольмеков, которые пали под ударами конкистадоров и иезуитов, были бог Солнца Халхитуатль, бог Мертвых Теоксмаль и богиня Луны Мелькоатлан. Именно их фигуры, если верить летописям, находились в центральном святилище дольмеков – пирамидальном Храме Звезд. Две статуэтки дольмекских божеств находятся в двух различных странах, а третья... Третья считалась утерянной в течение почти пятисот лет. Однако вы сможете лицезреть ее прямо сейчас...

Слова Лаймы заглушил шепот, который пробежал между гостей. Полная профессорша с двойной фамилией сузила глаза и подалась вперед, Иваницкий, хитро улыбаясь, поглаживал бородку.

– Богиня Луны Мелькоатлан изображалась с одной рукой, которая растет у нее из живота, с продолговатой головой и острыми зубами. Если верить все тем же летописям, то в ее честь дольмеки заливали лестницу храма кровью, преподнося ей человеческие сердца, которые вырезали из груди жертв обсидиановыми ножами. Впрочем, вполне возможно, что зверства дольмеков намеренно преувеличены испанскими колонизаторами, которые старались каким-то образом оправдать собственную бесчеловечность по отношению к коренному населению Южноамериканского континента. Увы, мы надеялись, что судьба смилостивится над нами и во время экспедиции нам удастся напасть на след статуи богини Мелькоатлан. Этого не произошло... Но тем не менее у вас есть возможность увидеть ее собственными глазами!

С последними словами Лаймы в зале погас свет, зажглись два небольших прожектора, свет которых, матовый и безжизненный, упал на отгороженный ширмой стенд. Ширму убрали в сторону, глазам зрителей предстал прямоугольник из стекла, в котором ничего не было.

– Мы можем только предполагать, как именно выглядела статуэтка богини Луны, в нашем распоряжении имелись изображения двух других богов, как уже говорилось, один находится в частной коллекции, а другой принадлежит одному из южноамериканских музеев. Поэтому мы позволили себе дать волю фантазии...

Внезапно в пустой витрине возникла каменная статуэтка – небольшая, вряд ли больше тридцати сантиметров, изображавшая некое мифическое существо. Судя по оскаленному зубастому рту и кривой руке, которая выпирала у статуэтки из живота, это и была пресловутая богиня Луны Мелькоатлан. Но каким образом статуэтка оказалась в витрине, это что, спецэффекты?

– Как вам удалось... – произнесла полная профессорша, ближе всех протиснувшись к стенду. – Поразительно...

– Я упомянула, что это, увы, не подлинная статуя богини Луны, – произнесла Лайма. – Это вообще не статуя, а всего лишь...

Статуэтка вдруг исчезла, как будто растаяв в воздухе, подобно туману.

– ...всего лишь голограмма. Но все же, я уверена, именно эта проекция статуэтки кровавой богини и станет центральным экспонатом нашей галереи.

Ирина удивленно хмыкнула. Надо же, до чего дошла техника, а она-то поверила, что видит перед собой подлинник, а это всего лишь иллюзия, созданная при помощи мощного компьютера.

– Ну что ж, дамы и господа, – подхватил эстафету Владимир, – прошу, галерея в вашем распоряжении. Только одна просьба – не трогать витрины, иначе сработает сигнализация.

Изображение однорукой богини снова возникло, Ирина подошла ближе, чтобы рассмотреть его. Даже на близком расстоянии нельзя было понять, что это проекция в трех измерениях. Все выглядело так, как будто за стеклом находится подлинная статуэтка. Наверное, настоящее изваяние богини Мелькоатлан стоило дикие миллионы. В одном из своих романов Ирина писала об ограблении музея, даже консультировалась по этому поводу с Лаймой, и та упомянула, что стоимость отдельных экземпляров доколумбовой эпохи может достигать до десятков миллионов долларов.

– А я-то думала, что у них подлинник, – зло произнесла профессорша, поворачиваясь к Ирине. – А это не более чем фикция!

– Видите, уважаемая Зинаида Аполлинарьевна, нам удалось обмануть даже такого знатока дольмекского искусства, как вы, – сказал подошедший Ярослав Мефодьевич Иваницкий. – Ведь, признайтесь, задумано гениально! Лет через двадцать крупные музеи перейдут именно

на такую технику – зачем подвергать риску бесценные шедевры, проще позволить посетителям любоваться голограммами, которые ни в чем не уступают оригиналу.

– Я и не сомневалась, что это ваша инициатива, многоуважаемый Ярослав Мефодьевич, – сказала Треухо-Ляпина. – А вообще, скажу честно, коллекция убогая, второсортная, ничего заслуживающего внимания. Я глубоко раскаиваюсь, что согласилась участвовать в этом балагане. Мне пора!

Гордо подняв голову, увенчанную париком, профессорша направилась к выходу.

– Потрясающая мегера, но жутко талантливый ученый, – вздохнул Ярослав Мефодьевич и улыбнулся Ирине: – Вы не сочтете меня бестактным, если я спрошу: имею ли я честь разговаривать с известной писательницей Ириной Татищевой?

Ирине, которая слышала подобные фразы регулярно, было все же приятно.

– Как я рад, уважаемая Ирина Вениаминовна, – продолжал профессор Иваницкий. – Лайма говорила мне, что вы являетесь ее кузиной, вот я и лелеял надежду, что смогу увидеть вас на приеме по случаю открытия этой галереи. Моя покойная жена, скончавшаяся два года назад от рака, была вашей самой восторженной поклонницей. Да и я в свободное время, которого у меня практически не бывает, сознаюсь, предпочитаю ваши романы. Они, знаете ли, помогают забыться и уйти от проблем.

К ним подошли Лайма с Владимиром.

– Дорогая моя, я познакомился с вашей очаровательной кузиной, – сказал профессор Иваницкий. – Ирина Вениаминовна, не будет ли с моей стороны бестактностью попросить у вас автограф? Я специально захватил один из ваших романов, самый любимый, «Удары судьбы». Прошу вас! А также позвольте вручить вам мою визитную карточку. Уверяю вас, вы можете обращаться ко мне в любое время и по любому поводу!

Ирина подписала профессору книгу. Иваницкий прав, это, пожалуй, ее лучшая. А сможет ли она написать нечто подобное – или вообще хоть что-то?

– Боюсь показаться бесцеремонным, но скажите старику, когда же выйдет ваш очередной роман? Я не мог быть на презентации, которая прошла на днях, но книжку купил, потрясающе, настоящий психологический детектив!

Ирина улыбнулась – вот таких читателей и критиков пожелает себе любой писатель. Сплошные похвалы – и ни единого слова о скандале с Олегом.

– Позвольте представить, моя правая рука Валерий Попондополо. – Профессор указал Ирине на своего лысеющего помощника с физиономией принца Чарльза.

– Вы аспирант профессора? – задала вопрос Ирина.

Попондополо, сверкнув рыбьими глазами, проскрипел:

– Я докторант! Кандидатскую диссертацию я защитил еще восемь лет назад, сейчас работаю над докторской!

– О, если бы не Валера, я бы не смог заниматься научной деятельностью, он просто спасает меня от обыденных проблем, великолепный ученый, – аттестовал своего протеже профессор Иваницкий.

Ирина, смотря на Попондополо, никак не могла избавиться от первоначальной антипатии к нему. И почему он ей так не нравится?

– Ярослав Мефодьевич, – спросила Ирина, – я сущий дилетант в вопросах археологии, а тем более в том, что касается цивилизации дольмеков. Вы ведь принимали участие в экспедиции, в которой погиб профессор Венденяпин? А что вы искали?

Иваницкий, проведя рукой по бородке, сказал:

– Ее, – его ладонь указывала на витрину с голограммой богини Луны. – Увы, мы не смогли найти ее. Но проклятие, похоже, действует...

– О чем вы говорите? – заинтересованно произнесла Ирина. – Мне как автору детективных романов будет полезно знать о некоем мифическом проклятии индейцев.

– Я был бы рад, если бы это проклятие было на самом деле мифическим, – сказал Иваницкий тихо. – Я безусловный материалист, *noblesse oblige*, так сказать, я же вырос и провел большую часть сознательной жизни в Советском Союзе, защитил две диссертации, возглавлял три кафедры и два научно-исследовательских института... Но все же иногда мне кажется, что я только-только созрел для того, чтобы вкусить настоящие откровения...

Валера Попондополо, склонив набок круглую голову, внимательно ловил каждое слово профессора, его глаза, злые и бесстрастные, буравили Иваницкого.

– Об этом проклятии снова вспомнили, когда погиб мой старинный друг профессор Венденяпин. Николай Антонович был подлинным корифеем, он не только лучший специалист по дольмекам у нас в стране, но смею утверждать, что и во всем мире! Хотя многоуважаемая Зинаида Аполлинарьевна Треухо-Ляпина, с которой вы только что имели возможность общаться, мнит себя главным спецом по дольмекам. Ну что ж, с тем же успехом она может думать, что у нее такая же талия, как и у Майи Плисецкой.

Судя по всему, между Иваницким и профессоршей в рыжем парике давно установились «самые дружеские отношения». Валера Попондополо хихикнул, явно выражая восторг от шутки профессора.

– Не стоит, конечно, переходить на личности, Зина великолепный специалист, однако она уверена, что являет собой истину в последней инстанции. Она жутко завидовала и мне, и в особенности покойному Николаю Антоновичу.

Профессор взял с подноса, услужливо подставленного официантом, бокал с шампанским и продолжил:

– А что касается проклятия... Говорят, что когда испанские конкистадоры истребляли дольмеков, то последний царь племени, Иратитль Шестой, проклял завоевателей на пороге Храма Звезд. Это главная святыня дольмеков, которую европейские колонизаторы разграбили ради блеска золота, серебра и драгоценных камней. Боже мой, сколько тогда бесценных образцов дольмекского ювелирного искусства было переплавлено в слитки! Иратитль вроде бы заявил, что тот, кто притронется к статуэткам богов, будет наказан демонами. И корсар Уго д'Эрбервиль, который и возглавлял бесчинства в столице дольмекской империи, стал первой жертвой...

– Что же с ним произошло? – спросила Ирина, чувствуя, что история об индейцах интригует ее все больше.

– О, этого я сказать не могу, запомнил, что-то нехорошее, помнится только, молодец-флибустьер умер не своей смертью в весьма не преклонном еще возрасте. Но что странно – до нашего времени сохранились две статуэтки главных богов дольмеков, одна находится где-то в Европе, другая в государственном музее одного из южноамериканских государств. Третью, чью голограмму так великолепно воссоздали на компьютере, считается исчезнувшей с момента разорения столицы дольмеков в 1537 году. Две сохранившиеся статуэтки сменили множество владельцев, и каждый, или почти каждый из них, умирал не своей смертью...

Профессора отвлекли, он, извинившись, отошел в сторону. Рядом с Ириной остался Валера Попондополо. Татищева обратилась к нему:

– Профессор упомянул, что проклятие имеет отношение к гибели Николая Антоновича Венденяпина...

Попондополо, скривив тонкие губы, важно проговорил:

– На вашем месте я бы не верил всей этой чуши. Ярослав Мефодьевич личность крайне эмоциональная, он обожает всю эту мистику и чертовщину. Понятное дело, что пираты и нувориши, которые владели статуэтками, в большинстве своем умирали не в собственной постели. Время было такое...

– Вы, Валера, как я понимаю, не верите в проклятие, – раздался голос Лаймы. Попондо-поло, смутившись, покрылся некрасивыми свекольными пятнами. – А вот я, после того что произошло с Николаем Антоновичем, верю.

– И все же что случилось? – спросила Ирина. – Он, кажется, упал в водопад? Это, конечно, нелепая трагическая случайность, но почему обязательно видеть в произошедшем проделки потусторонней силы или действие многовекового проклятия?

Лайма обернулась и произнесла вполголоса:

– А потому, что на самом деле он умер совсем по другой причине... Да и эта странная смерть охранника сегодня ночью в галерее... Он ведь был один в царстве дольмекских экспонатов.

– А от чего тогда скончался профессор Венденяпин, если не в результате несчастного случая? – полюбопытствовала Ирина, но Лайма не успела ничего ей ответить, так как появилась вдова Николая Антоновича и разговор на болезненную для нее тему пришлось немедленно прервать.

Ирина подошла вплотную к витрине, за которой находилась голограмма однорукой богини Мелькоатлан. Надо же, какая страшная. Ирина почувствовала на себе пристальный взгляд, обернулась и заметила, что официант, которого она толкнула, не сводит с нее взгляда. Едва увидев, что она почувствовала его интерес, он проскользнул с подносом в соседний зал.

– Ирочка, я хочу немедленно домой, меня утомляет эта мертвечина, – к Ирине подошла Лидия Петровна. – Я-то думала, что здесь будет кто-нибудь из дворянства или хотя бы из «попсы», а тут одни ученые черви, профессора и академики. И эти ужасные мумии! Я уверена, что сегодня не сомкну глаз!

Ирине хотелось во что бы то ни стало продолжить разговор с профессором Иваницким или с Лаймой, но Лидия Петровна умела настоять на своем – дочери пришлось подчиниться, и они, попрощавшись с хозяевами, покинули галерею.

Усаживаясь в машину, Лидия Петровна сказала:

– Не понимаю я Лайму и Володю, у них столько денег, а они тратят их на всякую ерунду. Прямо как малые дети: индейцы, черепушки, саркофаги...

Оказавшись дома, Ирина почувствовала вдруг непреодолимое желание сесть за компьютер. Сюжет небольшого рассказа, действие которого вертится вокруг статуэтки однорукой богини с крупными алмазами вместо глаз, вырисовывался сам собой. Проклятие индейцев, смерть профессора...

Но мысли улетучились, едва она оказалась за письменным столом. Сюжет, только что казавшийся ей многообещающим и захватывающим, поблек и скукожился, фразы, рождавшиеся пять минут в голове, иссякли. Ирина обхватила голову руками. Ну что ей делать? Как она сможет вернуть себе способность писать? Придется в который раз идти на прием к психотерапевту Андрею Кирьянову.

До трех часов ночи Ирина провела на софе, читая детективные новинки. Андрей советовал ей сменить обстановку. Быть может, и в самом деле напроситься в следующую экспедицию с Лаймой?

Проклятие действует!

День завершался, и он был не хуже и не лучше других. Ирина, вернувшись домой после приема у Андрея, утомительной тренировки в фитнес-зале и пробежки по магазинам в поисках новых туфель, первым делом отправилась на кухню. Надо немедленно поставить кофе.

Раздался телефонный звонок, потом зазвучал голос Лидии Петровны, испуганный и громыхающий:

– Ира, ты все еще где-то мотаешься? Сколько раз я говорила, чтобы ты брала мобильник с собой. Зачем ты его вообще покупала! Тебя невозможно заставить вне дома. Прошу, возьми трубку, это очень важно!

Ирина понимала, у матери было важным все, в особенности то, что касалось ее самой. Но делать нечего, она рано или поздно достанет любого хоть из-под земли, поэтому лучше сразу сдать ее на милость.

– Мама, в чем дело? – произнесла Ирина.

– Слава богу, – затараторила Лидия Петровна. – Ты что, еще ни о чем не знаешь? Ну конечно, ты в полном неведении, наверняка даже в газеты не заглядывала и телевизор не включала, а еще писательница!

– Если ты имеешь в виду очередной виток скандала с Олегом, мама, то меня это не интересует.

– Да при чем здесь Олег! О нем уже давно все забыли! Володя умер!

Пытаясь осмыслить информацию, Ирина уселась прямо на пол. О чем именно ведет речь Лидия Петровна?

– Ты что, Ира, отключилась? – неистовствовала Лидия Петровна. – Ты меня слышишь? Я повторяю – Володя, муж Лаймочки, умер.

– Что произошло, мама? – спросила Ирина, чувствуя, как в душе нарастает страх. – Автокатастрофа? Или...

Она подумала – Владимир Миронов был все-таки вице-президентом крупного нефтехимического концерна, неужели он стал жертвой заказного убийства? Но всего несколько дней назад на открытии галереи она виделась с Лаймой и Володей, все было в полном порядке.

– Вот именно, или, – сказала Лидия Петровна. – Он ездил во главе какой-то комиссии на один из заводов под Ростовом, там что-то бабахнуло, в числе жертв и Володя. Вот ужасно, Ирочка!

Распровавшись с матерью, Ирина бросилась к телевизору. До новостной программы на одном из каналов оставалось чуть больше десяти минут. Она еле дождалась появления в студии миловидной дикторши.

– Сегодня в одиннадцать часов по московскому времени на территории завода «Нефтехимпром», расположенного под Ростовом, произошла крупная авария. В результате несоблюдения правил безопасности при проведении сварочных работ воспламенилась емкость с бензином, что привело к взрыву еще пяти емкостей со сжиженным газом и серной кислотой. В эпицентре взрыва оказалось по крайней мере десять рабочих, а также делегация, возглавляемая вице-президентом концерна «Роснефтехимпром» Владимиром Мироновым. По предварительным данным, в погибших числятся около двадцати человек, на территории завода ведутся работы по тушению пожара...

Появились кадры с изображением пламени и столбов черно-сизого густого дыма, который поднимался над корпусами завода. Ирина с замиранием сердца следила за происходящим. И почему Володя оказался именно в ту секунду на территории завода? Если бы поездка произошла вчера, его бы не было в числе жертв. Но судьба – жестокая и властная старуха, у нее свои капризы.

Володе было всего сорок пять. Как же чувствует себя Лайма? Ирина попробовала дозво- ниться до двоюродной сестры, но в трубке раздавались короткие гудки. Постоянно занято.

Может, это ошибка или неточные сведения, бывает же такое. И Володя на самом деле жив. Но чудес не бывает... Ирина слушала новости по всем каналам, передавали примерно одно и то же, имя Владимира упоминалось всюду. Показали даже головной офис концерна, где уже успели вывесить портрет Володи, украшенный траурной черной лентой и двумя кро- ваво-красными гвоздиками.

Надо же, как бывает, думала Ирина. Всего несколько дней назад Володя праздновал три- умф, открывал выставочную галерею, и вот – он мертв. Она вдруг вспомнила про историю, которую рассказывал ей сначала профессор Иваницкий и продолжила Лайма.

Проклятие дольмеков. Каждый, кто обладает статуэткой божества, будет покаран демо- нами подземного мира. Но чушь все это, хотя бы потому, что статуэтки в галерее не было, име- лась всего лишь голограмма. Однако Ирина никак не могла избавиться от назойливых мыслей.

Сначала гибель профессора Венденяпина где-то во время экспедиции в Южной Америке. Гибель таинственная, Лайма хотела сказать ей что-то, но не успела. Затем смерть охранника в галерее. Вроде бы от сердечного приступа. И вот – роковой взрыв на заводе под Ростовом. И Володя умирает в огненном аду.

Каждая по себе, взятая в отдельности, смерть имела вполне логическое объяснение. Но соединенные вместе... Словно коса судьбы срезала одного за другим – всех тех, кто имел отношение к кровожадной и однорукой богине Луны Мелькоатлан.

Наконец-то, после трех часов бесплодных попыток, Ирина услышала в телефонной трубке долгие гудки. Затем раздался безжизненный голос Лаймы:

– Аллю!

– Лайма, это Ирина. Неужели все, о чем говорят, правда? Прими наши с мамой самые искренние соболезнования. У меня в голове не укладывается – Володи нет.

– У меня тоже, Ириша, – ответила Лайма. – Я никак не могу поверить в это. Я прошу тебя об одолжении. Приезжай, мне так одиноко и страшно без Володи в этом мавзолее...

– Ну конечно, Лайма, – спохватилась Ирина. – Вне всяких сомнений, я приеду к тебе...

Она помнила – чета Мироновых обитает в огромном особняке под Москвой, похожем размерами и убранством на дворец царского вельможи. Владимир затратил столько сил и денег, чтобы создать, как он обычно говорил, семейное гнездо. И вот Владимира нет в живых...

– Если можешь, приезжай прямо сейчас, – сказала Лайма.

Несмотря на то, что была глубокая ночь, Ирина, собрав небольшую сумку, отправилась в путь. Возможно, ей придется задержаться у Лаймы на несколько дней, сестре требуются дру- жеское участие и поддержка.

Она добралась до особняка Мироновых около двух ночи. Четырехэтажный дом светился во тьме – казалось, он пылал. На самом деле все окна были освещены. Дверь открыла пожилая дама, экономка и кухарка Мироновых, Варвара Кузьминична.

– Ирина Вениаминовна, – запричитала она, всплескивая руками, – как хорошо, что вы приехали, а то Лайма Кирилловна заперлась у себя в кабинете, меня до себя не допускает...

Варвара Кузьминична принимала все беды и несчастья, равно как удачи и победы, снис- ходящие на Мироновых, будто свои личные. Она была дальней родственницей Владимира, то ли двоюродной теткой, то ли троюродной бабкой. Последние десять лет она держала в руках бразды правления хозяйством Мироновых – во всяком случае, все, что касалось кухни, уборки и сада, было полностью в ее компетенции. Лайма много раз повторяла, что Варвара Кузьми- нична – просто золото и без нее она бы ни за что не смогла совмещать напряженную препода- вательскую и научную деятельность и многочисленные экспедиции с бытовыми заботами.

Ирина прошла в огромный, просто гигантский холл: высокие стрельчатые окна с цвет- ными витражами, по стенам рыцарские доспехи и дорогие картины. Чувствовалось, что хозя-

ева явно не нуждаются в деньгах. Насколько знала Ирина, Лайме до этого шика не было почти никакого дела. Все это – идея Владимира.

– Проходите, проходите, – причитала экономка. – Может, хоть вы сможете вывести ее из ступора. Она была дома, когда передали весть о том, что... О том, что произошла трагедия. Я услышала ее крик, такой нечеловеческий и полный боли.

Ирина могла только представить, что переживает Лайма. Она и Владимир были идеальной парой. Единственное, что огорчало их, так это отсутствие детей. Сначала не хватило денег, потом они появились, но необходимо было делать карьеру, и вот в последнее время Лайма мечтательно роняла фразы о том, что через год-два она, может быть, уйдет в декретный отпуск. Но судьба распорядилась иначе.

Ирина поднялась на второй этаж, где располагался кабинет Лаймы. Варвара Кузьминична постучала в дверь и произнесла ласковым голосом:

– Лайма Кирилловна, приехала Ирина Вениаминовна, откройте, пожалуйста!

Раздался скрежет поворачиваемого ключа, на пороге появилась Лайма. Ирина изумилась – та выглядела совершенно обычно, как будто ничего не произошло, только темные глаза, полные горя и скорби, выдавали ее чувства. Ирина никогда не видела свою двоюродную сестру в истерике, Лайма вообще была очень сдержанной.

– Спасибо, Варвара Кузьминична, – произнесла она ровным, лишенным эмоций голосом. – Приготовьте нам, пожалуйста, кофе. Мне, во всяком случае, я не знаю, Ира, будешь ли ты пить кофе посреди ночи?

Экономка исчезла, Лайма прошла в глубь кабинета, Ирина последовала за ней. Огромные, до потолка, полки, сплошь заставленные книгами, за старинным столом – современный компьютер.

– Я работала над статьей, – сказала Лайма. – Тебя это удивляет? Но только так я могу хоть как-то держать себя в руках и не сойти с ума.

Если бы Лайма плакала, жаловалась на судьбу, каталась бы по полу в пароксизмах горя, то Ирине, честное слово, было бы легче. А сейчас она даже не знала, что сказать.

– Ира, я понимаю, что поступаю жутко эгоистично, но не могла бы ты вместе с Варварой заняться организацией... похорон? Я никак не могу поднять трубку и позвонить в похоронное агентство, у меня не поворачивается язык произнести фразу: «Мой муж умер».

– Разумеется, Лайма, – ответила Ирина.

Кузина слабо улыбнулась, однако улыбка вышла жалкой и вымученной:

– Ты просто чудо, Ириша. И у меня к тебе еще просьба – ты ведь сможешь остаться со мной на несколько дней? Я улетаю через две недели. В Южную Америку, в новую экспедицию, только что уладила все формальности. Я не могу остаться в доме, где мне все напоминает о Володе.

Ирина чувствовала, что Лайма близка к нервному срыву, поэтому взяла на себя все формальности. В любом случае она сейчас ничем путным не занимается, ничего не пишет, а Лайме требуется ее присутствие.

Оставив сестру одну, она спустилась на кухню. Огромное помещение с суперсовременной техникой и чернобелым мраморным полом. Варвара Кузьминична, сидя на стуле, плакала. Подняв на Ирину глаза, она произнесла:

– Ирина Вениаминовна, объясните мне – за что? Почему это произошло? Они ведь были так счастливы, ребеночка хотели, и вот этот взрыв... За что судьба так жестока к ним?

– Не знаю, – ответила Ирина. – Первое, что нам нужно сделать, Варвара Кузьминична, это взять себя в руки. Лайма не должна видеть наших слез, она страдает гораздо сильнее, чем мы.

– Вы правы. – Экономка громко высморкалась в большой клетчатый платок. – Я совсем забросила свои обязанности, Лайма Кирилловна хотела же кофе. И вас надо провести в комнату, вы ведь останетесь у нас?

– Приготовьте кофе, отнесу его я сама, – сказала Ирина.

Экономка, вздохнув, загремела чашками. Ирина поймала себя на мысли, что ей ужасно неуютно в гигантском доме. Не зря же Лайма назвала его мавзолеем. В особняке было по крайней мере тридцать комнат.

Она с чашкой черного кофе поднялась к Лайме, которая сидела и смотрела на экран компьютера. Лайма встрепенулась, увидев Ирину.

– Спасибо, – сказала она. А потом вдруг добавила: – Ира, я думаю, скоро настанет моя очередь.

– Ну что ты такое говоришь! – воскликнула Татищева. – Володя бы ни за что не одобрил такие мысли, ты должна побороть горе и жить дальше...

Лайма, щелкнув зажигалкой, затянулась. Ирина удивилась – она и не знала, что двоюродная сестра курит.

– Тебе очень многое неизвестно, Ира. Я утверждаю – зло действует; провезя статуэтку в Россию, мы возродили к жизни проклятие дольмеков. И Владимир стал одной из его жертв.

Ирина решительно не понимала, о чем идет речь. Лайма же, судя по всему, не собиралась объяснять.

Ночь, первая после смерти Владимира Миронова, пролетела незаметно. Ирина так и не легла спать, проговорив с Лаймой и Варварой Кузьминичной. Когда первые робкие лучи рассвета стали пробиваться сквозь тяжелые шторы, посмотрев на часы, она с удивлением обнаружила, что уже почти половина шестого. Ирина начала действовать. Предстояло подготовить траурную церемонию. В этом ей очень помогла Лидия Петровна, которая, не ставя никого в известность, приехала в особняк к Мироновым около восьми.

– Лайма, почему ты поручила все Ирине, она же ничего не смыслит в достойной организации похорон! – решительно и бестактно заявила Лидия Петровна. – Я похоронила трех из четырех своих мужей, так что знаю все тонкости.

Ирина подумала: неужели мама так и не поняла, почему Лайма не обратилась к ней за помощью? Однако кухня ничего не возразила и смирилась с тем, что всем стала заправлять ее тетка.

– Дорогуша, – начала Лидия Петровна шпынять Варвару Кузьминичну. – Вы совершенно не умеете готовить кофе, и вообще, почему вы вертитесь в зале и подслушиваете наши приватные разговоры? Ваше место на кухне! Пора заняться обедом!

Потекли многочисленные посетители, которые захотели выразить Лайме соболезнование. Ирина по просьбе Лаймы говорила всем, что та не в состоянии их принять, и благодарила всех за участие. К полудню она почувствовала, что у нее гудят ноги и слипаются веки. Бессонная ночь давала о себе знать.

Лидия Петровна тем временем ловко управлялась с целой армией, состоявшей из работников похоронного бюро, уборщиков и флористов, и всюю занималась организацией траурной церемонии. Ирина несколько раз навещала Лайму, та сидела у компьютера, только изредка разговаривая с кем-нибудь по телефону. Поведение Лаймы ей не нравилось.

Так прошли еще одни сутки, затем настала среда – день погребения Владимира. Лайма, одетая во все черное, с темными очками на лице, не проронила ни слова. Церемония прошла в узком кругу – немногочисленные родственники и самые близкие друзья, не было никаких речей и венков. Ирина вновь увидела профессора Иваницкого и его ассистента Валеру, Зинаида Аполлинарьевна Треухо-Ляпина приглашена не была.

Лидия Петровна гордилась похоронами, заявив, что она поднаторела в этом деле. Ирина, в очередной раз попеняв про себя матери на бестактность, вновь оказалась в особняке Мироновых.

– Ира, я благодарна тебе и тете Лиде тоже, – заявила Лайма. – Вы спасли меня, можно сказать.

– Ну что ты, – ответила Ирина, – Лайма, а ты уверена, что полетишь в Южную Америку? И так скоро...

– Да, – упрямо ответила та. – Я продам этот дом, я уже переговорила с потенциальными покупателями. Не могу оставаться здесь. Не могу и не хочу.

Они снова оказались одни в огромном особнячке. Кроме Варвары Кузьминичны, чья комната располагалась на первом этаже, в доме никого не было. Ирина чувствовала, что Лайма хочет что-то сказать ей. Так оно и было.

– Ира, я прошу тебя выслушать меня, – сказала Лайма. – Скорее всего, моя история покажется тебе полным бредом, но, уверяю, это не плод моего больного воображения. Пошли!

Они спустились на первый этаж. Лайма подошла к большому полотну, изображавшему военную баталию Наполеона и Кутузова, нажала на потайную кнопку – и картина бесшумно отъехала в сторону. Ирина изумленно всмотрелась в стенной проем. Она и не знала, что в доме Мироновых имеются тайные помещения. Это же не шотландский замок, а современное строение, возведенное всего несколько лет назад.

– Вижу, ты удивлена, – сказала Лайма, проходя первой в проем. Она на что-то нажала, вспыхнул яркий свет. Они находились перед металлической дверью с электронным замком.

– Это вход в нашу сокровищницу, мы с Володей шутили, что у нас имеется своя пещера Али-Бабы. Там, в подвальном бункере, хранится наша коллекция.

– Но разве ваша коллекция не располагается на третьем и четвертом этаже особняка? – спросила Ирина. – Там же у вас оборудован мини-музей.

– Это так, – подтвердила Лайма, – однако коллекция коллекции рознь. То, что хранится наверху, как, впрочем, и в галерее, так – не особо ценные побрякушки. А истинные раритеты находятся в подвале, туда доступ открыт только избранным. И я хочу показать тебе все, потому что именно ты, Ира, после моего отъезда займешься продажей коллекции.

– Но почему? – попыталась возразить Татищева. – Лайма, вы же с таким трудом собирали коллекцию, она была вашей жизнью...

– А превратилась в Володину смерть, – сказала Лайма.

Она произвела манипуляции с замком, сначала вставила в прорезь небольшую пластиковую карточку, затем набрала длинную вереницу чисел. Картина, скрывавшая вход в подвальное помещение, медленно встала на место. Они находились в застенке.

– Механизм так устроен, что дверь может быть разблокирована только в том случае, если картина скрывает дверной проем, – пояснила Лайма. Раздался звук зуммера, затем над дверью вспыхнула крошечная зеленая лампочка. – Мы можем идти, – сказала Лайма.

Она легко открыла огромную, казавшуюся неподъемной металлическую дверь. Ирина увидела крутую лестницу, ведущую вниз.

– Осторожнее, смотри не упали, – предостерегла Лайма, спускаясь по лестнице.

Ирина на самом деле едва не упала, ступеньки были узкие и неудобные.

– Володя специально заказал такую лестницу, говорил, что если грабители задумают взять штурмом наш подвал, то сломают себе шею. Ну вот, мы и у цели.

Оказавшись в самом низу, Ирина с любопытством обернулась. Надо же, это походит на банковское хранилище. Стены и пол обиты тусклыми металлическими листами. И всюду сокровища!

Здесь в отличие от музея наверху не было стеклянных витрин. Экспонаты располагались на небольших тумбочках, застеленных разноцветным бархатом. Ирину привлекли золо-

тые украшения. Их так много, и все выглядят такими древними! А кроме них, каменные таблички, рукописи на папирусе и коже...

– Я уверена, что очень многие полжизни отдали бы ради того, чтобы проникнуть сюда, – сказала Лайма. – Это я привила Володе интерес к доколумбовой Америке. Мы вкладывали средства во все это...

Музей состоял из нескольких смежных помещений. Ирина совершенно не разбиралась в подобных вещах, но тем не менее была уверена: в подвале особняка Мироновых находятся подлинные сокровища.

– Лайма, – задала она вопрос, – а каким образом вы приобретали все это? На аукционах?

– Кое-что, Ира, – ответила Лайма. – Едва ли десять процентов. Все остальное по частным каналам. Ты знаешь, что это такое?

Ирина отрицательно мотнула головой. Лайма усмехнулась:

– Надо же, а еще пишешь детективы. Коллекционеры, в особенности те, что специализируются на древностях, готовы душу продать, чтобы заполучить раритетный экспонат. Вывозить артефакты из Египта или, к примеру, из стран Южной Америки запрещено, за это можно попасть в тюрьму, причем иногда даже до конца жизни. Но на что не пойдешь ради этих престелстных штучек!

– Ты хочешь сказать... – произнесла с запинкой Ирина.

Лайма перебила ее:

– Тебе не верится, что мы покупали заведомо краденые вещи? Боже мой, да многие коллекционеры организывают кражи из музеев или частных коллекций, если не в состоянии получить заветный экспонат за деньги. Мне удалось кое-что вывезти во время раскопок на территории столицы дольмексов. Было сложно, но вещи того стоили!

Ирина вздохнула. Плохо, оказывается, знала она свою кузину и ее мужа. Похоже, Лайма на самом деле бредила дольмеками, раз решилась на преступление, чтобы завладеть их сокровищами.

Лайма провела ее в последний зал, в отличие от других небольшой. В нем стояла стеклянная витрина, выполненная в виде ограненной пирамиды. Ирина присмотрелась. Надо же, Мироновы, как и в московской галерее, на открытии которой она была совсем недавно, оснастили и свой домашний музей голограммой одноруким дольмекским богини. Из-под стекла на Ирину смотрела все та же зубастая и чрезвычайно неприятная особа, покровительница чар Луны, с труднопроизносимым именем.

– Вот она, мамаша Мелькоатлан, – сказала Лайма, подходя к витрине. – Это из-за нее погиб Володя, я уверена!

– Что ты говоришь? – удивленно произнесла Ирина. – Как голограмма могла причинить вред Владимиру? Я не понимаю...

– Это не голограмма, – сказала Лайма. – Это настоящая Мелькоатлан. Сделанная из розового кварца и лазурита.

– Ты сделала копию? – непонимающе спросила Ирина. – Но зачем?

Лайма тряхнула головой:

– Ирочка, копии выставлены в галерее и в музее наверху, здесь находятся исключительно подлинники. Статуэтка Мелькоатлан самая что ни на есть подлинная, изготовленная дольмекскими мастерами примерно за тысячу пятьсот лет до Рождества Христова.

– Но ты же говорила... Профессор Иваницкий утверждал, что статуэтка этой богини была потеряна после того, как конкистадоры разграбили столицу дольмексов в Средние века.

– О, милый профессор далек от суровой правды жизни, – жестко сказала Лайма. – Ярослав Мефодьевич, конечно, не знает о том, что во время экспедиции профессор Венденяпин обнаружил в стенной нише на подземном уровне Храма Звезд эту статуэтку. Николай Антонович не успел никому рассказать о находке по очень простой причине: в тот же вечер его убили.

– Убили? – холодея, произнесла Ирина. Она ощутила мороз, который пробежал по коже. Ей казалось, что раскосые огромные глаза однорукой богини пялятся на нее. – Но ведь он стал жертвой несчастного случая, упал в водопад...

– То, что он упал в водопад, не подлежит сомнению, – ответила Лайма. – Нам стоило больших усилий выловить его тело. И знаешь, что обнаружили у него под левой лопаткой? Крошечное отверстие – от наконечника стрелы, которые дольмеки и прочие южноамериканские индейцы выплевывали через особые трубки.

– Его убили стрелой? – спросила Ирина, не веря своим ушам. – Но кто? Индейцы?

– Я бы тоже хотела знать, кто, – произнесла Лайма. – Никаких дольмеков уже почти пять сотен лет нет и в помине, конкистадоры, а затем миссионеры истребили непокорный языческий народ. Дольмеков нет и быть не может, но кто-то использовал их оружие, чтобы убить профессора Венденяпина. И умер он не от поверхностной раны, а от яда, предположительно смеси стрихнина, кураре и секрета, выделяемого крошечной красно-желто-зеленой лягушечкой под названием пипа коста-бьяннская². Яд этой пипы парализует дыхательную систему, человек умирает в считанные секунды от удушья.

Лайма замолчала, Ирина чувствовала нарастающий холод и пыталась уверить себя, что это не панический ужас, а струи воздуха из кондиционера.

– Предполагаю, что кто-то выстрелил через трубку в спину профессору Венденяпину, когда он стоял на вершине скалы, с которой водопад низвергается на первый порог. Водопад, расположенный в Храмовой долине, незабываемое и величественное зрелище, дольмеки не зря выбрали это место для своей столицы. Николай Антонович любил взбираться на скалу и в одиночестве наслаждаться заходом солнца. Кто-то подстерег его, плюнул ему в спину через трубку отравленной колючкой или стрелой, Венденяпин упал в водопад...

– Но почему об этом никто не знает? – взволнованно произнесла Ирина. – Если профессора убили, то нужно найти убийцу и наказать его!

– Как ты накажешь ее? – Лайма указала на статуэтку богини. – Что ты предпримешь для борьбы с проклятием, Ира? Я приняла решение не сообщать властям реальную причину смерти Николая Антоновича, при помощи денег в Южной Америке можно купить все, в том числе и свидетельство о смерти с нужной записью. Да и в экспедиции никто не знал о том, что Венденяпин убит стрелой, это несчастный случай – падение с высоты. А на самом деле, я уверена, во всем виновато проклятие!

– Но почему ты решила, что все дело в проклятии? – спросила Татищева. – Мне кажется, что не стоит все сводить к мистике, нужно рационально подумать...

– Рационально подумать, – передразнила ее Лайма. – Ира, поверь мне, я знаю о дольмеках очень много, об их кровавой и жестокой религии, об их беспощадных и охочих до человеческих сердец богах. О том, что примерно в сто двадцатом году нашей эры дольмеки принесли в жертву у подножия Храма Звезд как минимум двадцать тысяч человек, говорят сохранившиеся до наших дней таблички-книги. И это не сказки и не преувеличение, швейцарские коллеги ставили эксперимент, который подтвердил: эта бойня вполне могла иметь место. А груды костей и тысячи черепов, найденные в пещерах скалы, с которой низвергается водопад...

Лайма перевела дух, а затем продолжила:

– Когда флибустьеры вкупе с конкистадорами разгромили столицу дольмеков, то последний их царь проклял всех, кто осквернит храм и статуи трех главных божеств. Статуэтку Мелькоатлан спрятал кто-то из индейцев в стенной нише, две другие – изображения Халхитуатля и Теоксмалы – похитили. И вот Венденяпину посчастливилось обнаружить однорукую богиню. Хотя уместнее было бы употребить другое слово – он совершил не величайшее открытие, обнаружил не редчайший артефакт, а свою смерть. Николай Антонович умер, убит, как это сде-

---

² Название вымышленное.

лали бы дольмеки. Но их давно нет... Зато есть призраки, которые могут материализоваться и покарать того, кто прикоснется к изображению божества. После внезапной смерти Венденяпина о находке знала только одна я. Поэтому я приняла решение, что имею право взять статуэтку себе. Иначе бы мне пришлось отдавать ее правительству Коста-Бьянки, той самой страны, на территории которой находятся капища дольмеков. Нет, я решила, что Мелькоатлан станет венцом нашей с Володей коллекции! Я тайно вывезла статуэтку, мы поставили ее на почетное место в нашем подземном музее... А теперь... – сказала после короткой паузы Лайма. – Только теперь я поняла, что совершила непоправимую глупость, Ира. Еще после гибели Николая Антоновича я должна была понять, что брать с собой статуэтку смертельно опасно. Но ведь она – единственная в своем роде, на аукционе за нее выложат и двадцать, и тридцать миллионов, поверь мне, как знатоку. На самом деле она бесценна. И она мстит. Проклятие действует, – продолжала Лайма. – Ведь так, богиня Луны Мелькоатлан? – Она подошла вплотную к витрине, сняла стеклянную пирамидку и взяла в руки небольшую статуэтку. Лайма подняла ее над головой, словно желая бросить на бетонный пол. – Мелькоатлан, которая, если верить религии дольмеков, поглощает Луну во время затмений и своей единственной рукой закрывает людям глаза перед сном. Ну что, Мелькоатлан, – она поднесла статуэтку к лицу, – это ты убила моего Володю? Это ты уничтожила профессора Венденяпина, убила охранника в галерее, устроила взрыв на заводе? Ты ведь всемогущая, дольмеки свято верили, что стоит принести тебе жертву из зерна, а лучше из человеческой плоти, и ты проявишь благосклонность и одаришь удачей. Но и обид ты не прощаешь!

Ирина слышала в голосе Лаймы истерические нотки. Так и есть, горе, которое она вытравливала из себя и скрывала от окружающих, наконец-то нашло выход. Лайма размахнулась статуэткой, Ирина была уверена, что она запустит богиню в пол или в стену, но та, издав гортанный звук, поставила статуэтку обратно в витрину.

– Я знаю, что ты наметила меня своей следующей жертвой, – произнесла она, глядя на однурукую покровительницу Луны. – Все, кто прикоснется к тебе, умирают. Запомни, Ира, – Лайма повернулась к Татищевой, – ни за что не прикасайся к ней. Ни за что! До тех пор, пока ты не дотронешься до нее, она не сможет занять власть над твоей душой и причинить тебе зло.

Лайма смолкла, голова ее упала на грудь, Ирина испугалась, что она сейчас рухнет без чувств. Однако Лайма произнесла хрипло:

– Я стала жертвой собственной страсти. Ира, я оставлю тебе необходимые бумаги, ты продашь всю коллекцию. Или нет, я передам все в музей или в галерею. Мне все равно, денег у меня предостаточно, я уеду прочь отсюда, прочь, прочь...

Ирина прижала к себе разрыдавшуюся Лайму и принялась гладить ее по голове, успокаивая, как маленькую девочку.

– Все будет хорошо, – говорила она. – Я сделаю, как ты хочешь. И нет никакого проклятия, это все пустые суеверия, ты сильная, Лайма, ты справишься с горем.

Они покинули музей в подвале и поднялись наверх, Ирина уложила Лайму в кровать, посидела рядом с ней и, дождавшись, когда та заснет, ушла в свою комнату. Рассказ Лаймы, сумбурный и зловещий, не давал ей покоя. Если профессора Венденяпина убили, а не верить кухне у нее не было ни малейшего основания, то кто виноват в его смерти?

Неужели старинное индейское проклятие? Но она не верит в подобные байки – или все же верит? Ведь существует на самом деле сапфир, все владельцы которого погибали насильственной или скоропостижной смертью, есть и дома, жители которых умирают регулярно и без ясных причин.

Мелькоатлан, однурукая покровительница ночных тварей и полуночных кошмаров. Неужто проклятие продолжает действовать и смерть профессора Венденяпина, охранника в галерее и Володи Миронова есть проявление ее всепроникающей и беспощадной силы?

Ирине стало не по себе. Часы показывали половину третьего. Ей почудилось, что по дому разнесся слабый скрип. Сердце у Ирины заколотилось. Они в доме одни, три женщины – Лайма, Варвара Кузьминична и она сама. Охранника в особняке не было, ближайшая подмога находилась на посту перед въездом на территорию коттеджного поселка.

Ирина, чувствуя, что страх взбирается по позвоночнику в мозг, прилегла на кровать, оставив ночник включенным. Спать не хотелось. Прошли томительные несколько минут, затем в тишине пустого огромного дома раздался шум. А затем выстрел.

Татищева подскочила и прислушалась. На самом деле до нее донесся приглушенный выстрел или это слуховые галлюцинации – просто она подсознательно была готова услышать нечто подобное и услышала это? Ирина замерла на ковре, не зная, что делать. Звонить в милицию или на пост? А если все это ее воображение, то получится глупо.

Повторного крика или выстрела не последовало, шорохи стихли. И все же Ирина, приоткрыв дверь в коридор, прислушалась. Странно, внизу, в гостиной и холле, горит свет, хотя она уверена, что выключила его, когда поднималась с Лаймой наверх. Может быть, встала Варвара Кузьминична, но Ирина знала, что экономка спит как убитая, затыкая уши восковыми пробками, – уходит в спальню ровно в десять и поднимается без будильника ровно в шесть.

Ирина спустилась на несколько маршей по лестнице. На мраморных ступеньках мерзли ноги, она забыла надеть тапочки, но возвращаться не хотелось. Она перегнулась через перила и попыталась разглядеть, есть ли кто-то внизу. Опять шорох. Ирина шумно вздохнула и тут же прокляла себя за то, что тем самым может привлечь внимание грабителя. Она убеждала себя, что в доме орудует вор. Еще бы, в особняке Мироновых ценностей, и не только в подвале, на сотни тысяч долларов, если не на миллионы. Лакомый кусочек для бандитов.

Оказавшись в холле, Ирина попыталась обнаружить источник шума. Горел верхний свет – огромная хрустальная, как в Большом театре, люстра с мириадами филигранных подвесок. Ирина пошла в направлении кухни. Вероятно, шум идет оттуда. Когда она зашла на кухню и рука ее уже легла на выключатель, вдруг раздался мягкий щелчок, и картина, которая закрывала вход на подземный ярус, отошла в сторону.

Из проема появилась закутанная во все черное фигура с шерстяной маской, полностью скрывавшей лицо и голову. В руках у неизвестного был небольшой темный рюкзак. Ирина затаилась: стоило грабителю повернуть голову чуть влево, и он увидит ее – с растрепанными волосами, в глупой пижаме с Винни-Пухом и идиотско-испуганным выражением лица.

Ирине повезло. Вышедший из подземного музея грабитель не заметил ее. Чуть замешкавшись, он направился к входной двери, и через несколько секунд его не было. Ирина замерла. Что же делать? И были ли на самом деле выстрелы – или ей только показалось? Может быть, нужно разбудить Лайму? Или все же позвонить в милицию? Но грабитель исчез, значит, опасность миновала.

Она подошла к картине. Кажется, чтобы открыть ее, Лайма нажимала вот эту панель. Так и есть, она правильно запомнила, огромное батальное полотно отошло в сторону. Ирина заметила, что массивная металлическая дверь, которая вела в подземелье, приоткрыта. Но почему? Скорее всего, грабитель вывел из строя замок.

Татищева на секунду задумалась. Ноги мерзли, а тело сковывал страх. Нужно ли ей в одиночку спускаться в подвал? В который раз Ирина убеждала себя, что грабитель, взяв все необходимое, исчез. А будить Лайму не стоит, бедняжка и так перенесла слишком много. Это станет для нее новым ударом – еще бы, наверняка похищено что-то из коллекции, которую она вместе с покойным Владимиром собирала в течение многих лет.

Ирина все же шагнула на лестницу, которая вела в подвал. Будь что будет, она только убедится, что произошло, а потом вызовет милицию. Или, если Лайма все равно решила избавляться от коллекции, присутствие милиции и вовсе не так уж необходимо?

Она осторожно спустилась в подземный музей. Все помещения были залиты светом, и на первый взгляд никакого беспорядка. Но ведь она видела в руках у грабителя небольшой черный рюкзак. Или он не смог найти то, что ему требовалось?

Ирина бегло осмотрела все комнаты. Да нет же, тусклое золото дольмеков лежит на тумбах, тогда зачем приходил вор? Ах, ну да, осталась последняя комната, в которой выставлена кровожадная однурукая богиня. Татищева прошла в небольшой зал и замерла как вкопанная прямо на пороге.

Богини Мелькоатлан не было – стеклянная пирамида, закрывавшая ее, лежала на полу. И там же, около нее, было распростерто тело. Лайма! Ирина сломя голову бросилась к двоюродной сестре.

– Лайма, что с тобой?! – закричала она, попыталась приподнять голову кухни и вдруг с ужасом поняла, что ее руки обагрились кровью. – Прошу тебя, откликнись!

Веки Лаймы затрепетали, она приоткрыла глаза и попыталась что-то сказать:

– Проклятие... Она добралась и до меня... Мелькоатлан убила меня...

– Что, что? – произнесла Ирина, но Лайма уже смолкла. Ирина в оцепенении уставилась на нее, затем, вспомнив первые навыки неотложной помощи, попыталась нащупать пульс. На груди у Лаймы расплылось большое кровавое пятно. Видимо, это и был тот выстрел, который донесся до нее. Неужели Лайма стала жертвой грабителя? Она обнаружила его, и он застрелил ее?

Ирина бросилась наверх. Где же телефон, она никак не могла найти его в огромной гостиной. Пришлось подниматься к себе в спальню. Ирина трясущейся рукой набрала номер милиции и произнесла:

– Прошу вас, приезжайте. Женщина серьезно ранена...

Она продиктовала адрес, потом сделала такой же звонок в «Скорую помощь». Лайма не должна умереть, вертелась у нее мысль, хотя Ирина понимала, что вряд ли сумеет помочь. Она бросилась обратно в подвал. Лайма лежала все в той же позе, на боку, с закрытыми глазами. На этот раз она уже ничего не говорила.

Она умерла, поняла Ирина. Лайма умерла – всего несколько дней спустя после трагедии с Володей. И ее последние слова были о том, что она стала жертвой проклятия однурукой богини дольмеков. Но как можно принимать это всерьез! С другой стороны... Одна смерть следует за другой, как будто кто-то могущественный и безжалостный решил искоренить всех, так или иначе связанных с дольмеками.

Ирина прислушалась, раздались чьи-то шаги. Неужели проснулась Варвара Кузьминична? Экономка закатит истерику, если увидит хозяйку в крови на полу музея. Или это приехала милиция?

На пороге подземной комнаты появился мужчина в темно-синей форме. Увидев Ирину, которая прижимала к себе голову Лаймы, он присвистнул и бросился к Татищевой.

– Что такое? – произнес он. – Госпоже Мироновой плохо?

Затем он заметил кровь, вытекшую на пол, перепачканную пижаму Ирины и смолк.

– Здесь произошло ограбление, – сказала Татищева. – А вы уже так быстро приехали?

– Я с поста, – ответил мужчина. – Как всегда, совершал обход территории и увидел, как от вашего дома удаляется рысью подозрительный субъект, одетый во все черное. И дверь в особняк была открыта, что совершенно нетипично. Я зашел, увидел свет и проем в стене...

– Вы правильно сделали, – сказала Ирина. – Помогите мне, прошу вас! Я хочу, чтобы мы перенесли Лайму наверх. Она не должна лежать на полу, ей неудобно.

Охранник склонился над Лаймой, судя по его уверенным действиям, он обладал медицинскими познаниями. Затем, покачивая головой, он сказал:

– К сожалению, госпоже Мироновой уже ничего не поможет. Она умерла.

– Она не может умереть! – закричала Ирина. – Это обморок, не более того! Лайма должна жить! Да сделайте же что-нибудь, черт вас побери!

Охранник только развел руками. Ирина чувствовала, что находится на грани истерики. И почему милиции и «Скорой помощи» так долго нет? Время тянулось ужасно медленно. Сколько еще ей придется ждать в музее около тела Лаймы?

– Что-нибудь похитили? – спросил охранник. – Вы знаете, что именно?

– Эту ужасную статуэтку однорукой богини, – сказала Ирина, не глядя на него. – Неужели Лайму убили из-за этого куска камня?

– Мелькоатлан исчезла? – выдохнул охранник. – Вы уже оповестили милицию? Я сейчас же отправлюсь на пост, мне необходимо поставить в известность коллег. Я приду через десять минут, оставайтесь здесь!

Ирина кивнула, не вслушиваясь в слова охранника. Она положила себе на колени голову Лаймы и, закрыв глаза, пыталась ни о чем не думать. Но страшные мысли лезли в голову сами собой. Число жертв кровожадной богини пополнилось. Трое погибших в разное время мужчин. Теперь – Лайма, застреленная грабителем. И похищена статуэтка. Опять во всем виновата Мелькоатлан!

Внезапно Ирину словно озарило – откуда охранник с поста, который только что был в музее, знает имя дольмекской богини? Вряд ли он увлекается историей доколумбовой Америки и знает назубок имена богов давно сгинувшего племени. И еще – разве охранники имеют право заходить в дома, даже если двери открыты? Скорее всего, нет, хотя она точно не знает.

И почему он отправился на пост? У него же должна быть рация. Ирина испугалась. А что, если грабитель, быстро переодевшись, вернулся обратно на место преступления? Ведь он мог забыть что-то или ему захотелось пополнить свои трофеи.

Наконец-то раздались голоса, Ирина подняла голову – по лестнице спускалось несколько милиционеров. Ирина почувствовала, что ее начинает бить истерика. Она заплакала, никак не в состоянии остановиться. Затем перед глазами у нее возник туман, и она провалилась в черноту.

Ирина пришла в себя оттого, что кто-то положил ей на голову холодный компресс, и обнаружила, что лежит на просторной софе, которая располагалась в кабинете Лаймы. Рядом, хлюпая носом, сутилась Варвара Кузьминична. Увидев, что Ирина очнулась, экономка запричитала:

– Дорогая Ирина Вениаминовна, ужас-то какой, неужели это правда? Лайма Кирилловна ведь только ранена, скажите мне, прошу вас, а то они ничего не говорят, никого не пускают! Боже мой, что делается, что делается!

Ирина повернула голову и увидела одного из оперативников. Тот, подойдя к Ирине, спросил:

– Вы в состоянии ответить сейчас на вопросы?

– Да, – сказала она. А потом тихо спросила: – А как же Лайма, она жива?

Оперативник, взглянув на Варвару Кузьминичну, так же тихо ответил:

– К сожалению, ничего утешительного. Ранение в грудь навывлет, она скончалась через несколько минут после того, как в нее выстрелили. Итак, прошу вас, поведайте мне о том, что произошло.

Ирина вполне связно рассказала обо всем, что ей довелось пережить. Оперативник только кивал головой, словно подбадривая ее.

– А потом я ничего не помню, кажется, потеряла сознание...

– Да, мы обнаружили вас около тела убитой. Что ж, вы являетесь ценным свидетелем. Вы уверены, что не видели лица человека, который вышел из музея?

– Нет, я же упомянула, что он был в черной маске, которая скрывала полностью голову и лицо. Да и кроме того, я видела его со спины.

– Это был мужчина или женщина? – спросил милиционер.

Ирина задумалась. Почему-то она сразу уверилась, что грабитель – мужчина. Но так ли это?

– Не могу сказать, но у меня такое ощущение, что это был мужчина.

– Ну что ж, у нас может возникнуть еще ряд вопросов, однако вам необходимо прийти в себя, – сказал милиционер. – И кроме того, с вами так и рвется побеседовать следователь. Вам придется рассказать ему все то же самое, что и мне.

Следователем, который сменил милиционера, оказался уже знакомый Ирине Илья Евгеньевич Татарчук. Облаченный в дешевый мятый костюм, он с мученическим выражением лица, словно у него болели сразу все зубы, уселся в старинное кресло.

– Итак, Ирина Вениаминовна, вы стали единственным и очень важным свидетелем преступления, – сказал он. – Расскажите, что вам известно! Почему вы вообще решили спуститься вниз?

– Меня привлек звук выстрела, – ответила Ирина. Затем ей пришлось повторить всю историю еще раз. Татарчук, склонив голову набок, внимательно ее слушал.

– Вы утверждаете, что встретились с охранником с поста, однако господа, которые проворонили проникновение в особняк постороннего лица, утверждают, что никто из них не заходил в особняк. Что вы можете сказать по этому поводу?

– Ничего, – ответила еле слышно Ирина. – Я уверена, что один из них был здесь. Или, может быть, это грабитель...

– Кто это был, решит следствие, – нелюбезно перебил ее Татарчук. – И вообще, по какой причине вы, Ирина Вениаминовна, оказались на месте преступления, что вы делали в особняке покойной Мироновой?

Манера Татарчука выражаться выводила Ирину из равновесия. Неужели он не может быть чуточку тактичнее? Такое впечатление, что он подозревает ее в совершении преступления.

– Лайма попросила меня пожить у нее, ей требовалась поддержка после трагической гибели мужа. А могу ли я спросить?

– В чем дело? – скривился Илья Евгеньевич. Видимо, он был уверен, что только он имеет право задавать вопросы.

– Почему Лайма спустилась в подземный музей, что привлекло ее внимание?

– Мы как раз занимаемся этим, – ответил Татарчук. – По всей видимости, сигнал тревоги о том, что некто посторонний проник в музей, поступил в комнату к погибшей, мы обнаружили около ее кровати соответствующее оборудование. Сигнализация не была соединена с телефонной линией, иначе бы о проникновении в музей стало известно органам милиции и все бы завершилось совсем по-иному. Скорее всего, Лайма Миронова, услышав сигнал тревоги, никого не ставя в известность, спустилась в музей, где столкнулась с грабителем. Это и привело к трагедии, у него было оружие, он убил ненужного свидетеля. Но зачем вам знать это?

Он подозрительно уставился на Ирину. Татищева ничего не ответила. Следователь Татарчук, как она поняла, отличался большим рвением и слабым воображением. Самый неблагоприятный тип людей, хотя, наверное, он, как гончая, преследует преступника, пока не загонит его.

– Ну что ж, вам придется прийти ко мне на прием, чтобы я мог еще раз документально зафиксировать ваши показания. А пока отдыхайте, – милостиво разрешил Илья Евгеньевич и удалился.

Однако Ирина не собиралась терять время, отдыхая на софе. Лайма умерла. Кто-то убил ее и похитил статуэтку этой богини... Мелькоатлан. Ей вдруг пришла в голову еще одна

мысль – охранник, который спустился в музей перед приездом милиции, смог без запинки произнести имя дольмекского божества. Но это более чем странно! Откуда он вообще знает, как зовут однорукую богиню?

Ирина была уверена – охранник на самом деле являлся или самим преступником, который по какой-то причине решил вернуться в особняк, или его сообщником. И лицо этого охранника, где же она видела его? Тонкие черты, небольшие усики...

Озарение пришло внезапно. Ага, если убрать эти черные усики, то перед ней возникало лицо официанта на приеме у Лаймы и Владимира в московской галерее. Того самого, с которым она столкнулась и который потом внимательно наблюдал за ней. Но один и тот же человек не может быть сначала официантом, а затем охранником. Значит, она напала на верный след!

В комнату вернулась Варвара Кузьминична. Добрая экономка заплакала, припав к груди Ирины:

– Какая трагедия, они только что подняли из подвала Лайму Кирилловну. Она совсем-совсем мертвая! Но как такое может быть, Ирина Вениаминовна! Сначала Владимир Сергеевич, а затем Лайма Кирилловна. Слово смерть идет по пятам...

Словно смерть идет по пятам... Проклятие Мелькоатлан, о котором прошептала всего за несколько секунд до смерти Лаймы. Ирине вдруг стало страшно – может быть, не стоит так опрометчиво и безоговорочно отвергать версию о том, что все смерти являются следствием магических чар дольмекского колдовства? Но она же разумный человек с высшим образованием, проживает в мегаполисе, здесь нет места суевериям и темным басням.

Ирина попыталась забыть о том, что рассказывала ей Лайма, но прогнать эти мысли не смогла.

Она должна что-то предпринять. Ирина доверяла следователю Татарчуку, несмотря на свое занудство и плохие манеры, он был профессионалом. Однако волею судьбы она оказалась замешана во всем лично, поэтому сама должна попытаться выяснить, кто же стоит за убийством Лаймы. И ее убил не дух или призрак, а человек из плоти и крови, которого Ирина видела собственными глазами. Значит, дело не в проклятии дольмеков – или все же в нем? И грабитель стал только орудием возмездия кровожадных богов? Лайма умерла потому, что посмела тайно вывезти из Южной Америки статуэтку Мелькоатлан?

Ирина не знала, что и думать. Но в любом случае у нее сейчас достаточно времени, чтобы заняться расследованием. Она так и поступит. И помешать ей никто не сможет.

Приключения в университете

– Дорогая Ирина Вениаминовна, я так рад, что вы навестили старика, – пророкотал профессор Иваницкий, гостеприимно встречая Татищеву на пороге своего кабинета. Ирина накануне позвонила Ярославу Мефодьевичу (воспользовавшись его предложением звонить ему по поводу и без оно) и попросила его о встрече. Ученый с радостью согласился.

Три дня назад состоялись похороны Лаймы. Церемония была совершенно закрытой, на этом настояла Ирина. Она не хотела, чтобы смерть Лаймы стала пищей для желтой прессы. Еще бы, супруга богатого бизнесмена, который погиб во время взрыва на химическом заводе, сама спустя всего несколько дней становится жертвой грабителя. Впереди была весьма трудоемкая работа для юристов, которым предстояло определить размеры имущества Мироновых и распределить его между наследниками. У Владимира было две сестры, кроме того, имелся отчим Лаймы.

За эти дни Ирина смогла кое-что выяснить. Ее попросили внимательно изучить фотографии охранников с поста, который располагался на въезде в элитный поселок. Однако Ирина была уверена, что человека, который спускался в подземный музей, среди них нет. Не оказалось его и на фотографиях известных милиции воров, специализирующихся на кражах произведений искусства. Оставался единственный выход – составить его фоторобот.

Затем Ирина выяснила, какая фирма обеспечивала официантами прием у Лаймы и Владимира в галерее. Надо же, и здесь ей не повезло. Молодого человека, с которым она столкнулась позднее в подвале особняка, среди официантов агентства не оказалось. Значит, в галерее он просто-напросто знакомился с обстановкой, пытался прощупать почву, так сказать. Ирина вспомнила – он внимательно изучал голограмму богини Мелькоатлан. Уже тогда, наверное, планировал вторжение в особняк к Лайме.

На этом ниточка оборвалась. Что же ей делать дальше? У милиции гораздо больше возможностей найти этого молодчика. Но бездействовать Ирина не могла и решила побеседовать с Ярославом Мефодьевичем Иваницким. В конце концов, профессор считался одним из лучших в мире специалистов по дольмекам. Кроме того, он мог пролить свет на смерть Николая Антоновича Венденяпина. Иваницкий также был в составе экспедиции.

Профессор с большой радостью согласился поговорить с Ириной. Он предложил ей зайти к нему на кафедру в университет. Они встретились в разгар рабочего дня. Шла последняя неделя перед сессией.

– Ирина Вениаминовна, голубушка, прошу вас, – Иваницкий поцеловал ей руку. По всей видимости, он жил старомодными представлениями галантного девятнадцатого века.

Он провел ее в небольшой кабинетик, который был буквально завален книгами и рукописями. Ярослав Мефодьевич явно не следил за порядком, толстые тома лежали вперемешку с редкими экспонатами. Иваницкий освободил гостью место в кресле, предварительно убрав с него несколько массивных папок.

– Приношу мои извинения за эти авгиевы конюшни, голубушка, но руки никак не доходят до того, чтобы все это разгрести. То экспедиция, то срочная статья, то научная конференция. Надеюсь, вы не измените обо мне мнение в худшую сторону...

В кабинет к профессору Иваницкому заглянул Валера Попондополо. Ирина увидела, что он скривился, заметив ее. Надо же, он тоже не питает к ней симпатии.

– Ярослав Мефодьевич, вы же назначали мне на двенадцать, – сказал Валера скрипучим голосом. – Я принес исправленную третью главу из моей диссертации.

– Да что вы, милый, – встрепенулся профессор Иваницкий и погладил бородку. – Да, да, вот у меня в перекидном календаре на самом деле стоит ваше имя. А я, старый идиот, пригласил Ирину Вениаминову...

Профессор развел руками. Попондополо, по-крысиному ослабившись, заговорил сладким голосом:

– Ничего страшного, Ярослав Мефодьевич, я не спешу. Подожду в приемной, вы можете беседовать с Ириной Вениаминовной сколько заблагорассудится. Я сделаю вам кофе.

– Ах да, голубчик, буду вам чрезвычайно признателен, а то у Оленьки сегодня выходной. Попондополо закрыл дверь, оставив профессора и Ирину одних.

– Славный человек, – сказал Иваницкий. – Во всем меня опекает, а то, скажу вам честно, после смерти моей супруги я стал таким рассеянным, всяческая концентрация пропала. Итак, Ирина Вениаминовна, чем могу служить?

Ирина, посмотрев на профессора, произнесла:

– Ярослав Мефодьевич, я хочу, чтобы вы рассказали мне подробнее о проклятии дольмеков.

Иваницкий смешно заморгал, а затем спросил:

– Но, дорогая моя, к чему вам это? Это же все мифология, неужели она вас увлекает?

– Ярослав Мефодьевич, разве вам не бросилась в глаза таинственная цепочка смертей? Ваш коллега Николай Антонович Венденяпин, охранник в галерее Мироновых, который скончался ночью накануне открытия выставки, затем сам Владимир и, наконец, Лайма.

Иваницкий, закряхтев, ответил:

– Да нет, голубушка, я тоже обратил на это внимание. И вы – первый человек, который заговорил со мной об этом. Проклятие дольмеков, надо же...

Поддавшись непонятному импульсу, Ирина спросила:

– Профессор, вы в курсе того, как на самом деле умер Николай Антонович Венденяпин?

– Что значит – как на самом деле умер, голубушка? – встрепенулся Иваницкий. – Гибель достопочтенного Николая Антоновича была ударом не только для российской, но и для международной дольмекологии. Глупый несчастный случай, профессор так любил любоваться на закаты с вершины скалы. Наверняка подошел слишком близко к краю, почва под ним просяла...

Он смолк, пожившись. Ирина же сказала:

– Профессор Венденяпин был убит. Он умер оттого, что кто-то выстрелил ему под лопатку стрелой, смазанной быстродействующим ядом индейцев. И только потом его бездыханное тело упало в водопад.

– Что вы говорите! – вскричал Иваницкий в ужасе. – Голубушка, откуда вы это взяли? Этого не может быть!

– Мне рассказала Лайма, – произнесла Ирина. – За несколько часов до своей смерти.

– Невероятно, – в потрясении протянул профессор Иваницкий. – Лайма Кирилловна ни за что бы не стала обманывать, я в этом более чем уверен. Да, да, теперь я припоминаю... Надо же, какие детали, казавшиеся когда-то малозначительными, всплывают в памяти. Смерть моего коллеги вывела нас всех из равновесия, но я помню, что Лайма Кирилловна уединилась с врачом и полицейскими после того, как тело несчастного Николая Антоновича нашли в лагуне. Какой ужас! Она наверняка заплатила этим продажным чиновникам мзду, чтобы они держали язык за зубами.

Раздался осторожный стук, дверь распахнулась, появился Валера Попондополо с небольшим подносиком, на котором возвышались две чашки с кофе, сахарница и тарелочка с печеньем.

– Ярослав Мефодьевич, ваш кофе, – сообщил он, ставя поднос на стол.

– Ах, спасибо, мой хороший, – поблагодарил Иваницкий.

Попондополо вышел, однако, как заметила Ирина, оставил на этот раз дверь не до конца закрытой. Он что, желает подслушать их разговор? Да нет же, это все ее воображение.

Ей кажется, что Попондополо похож на помесь Иудушки Головлева и Урии Гиппа, но это всего лишь ее предубеждение. Профессор о нем самого восторженного мнения.

Иваницкий, энергично размешивая сахар в чашке, продолжал охать:

– Ирина Вениаминовна, но если Николая Антоновича убили, то необходимо провести тщательное расследование. Убийца, который лишил жизни такого замечательного человека, должен понести самое суровое наказание. Я сам оповещу милицию...

Иваницкий осекся, будто что-то вспомнив.

– Ах, незадача! По желанию вдовы Николая Антоновича его останки были кремированы, а затем развеяны. Так хотел покойный. Поэтому ни о какой эксгумации речи быть не может. Но как же тогда следствие будет заниматься выяснением причин его смерти?

– Я думаю, Ярослав Мефодьевич, что мы сами должны заняться этим, – сказала Ирина. – Уверена, что вы, как и я, готовы пойти на все, чтобы найти убийцу вашего коллеги. Но если убийца профессора нематериален...

– Что вы хотите этим сказать? – прихлебывая кофе, спросил Иваницкий. – Ага, я понимаю, дорогая Ирина Вениаминовна! Потому-то вы и завели речь о проклятии дольмек. Тот, кто будет иметь дело со статуэтками богов, понесет заслуженное наказание, крылатые демоны подземного мира унесут их души и бросят в огненное озеро, где живет мифическое чудовище Касамба, помесь гигантского крокодила, бегемота и угря. Но, милочка, почему проклятие, если его существование мы примем за аксиому, должно снова пробудиться к жизни? Да, мы производили археологические работы в Храме Звезд, вышли на подземный уровень, который, скорее всего, является входом в подземелье, пронизывающее всю долину, но мы не имели дела со статуэтками божеств. Две из них уже давно находятся в музейных коллекциях, третья, та самая однорукая богиня Луны Мелькоатлан, считается утерянной после разорения столицы дольмек командой корсара Уго д'Эрбервиля.

Ирина ответила:

– Ярослав Мефодьевич, я вижу, вам очень многое неизвестно. А именно то, что статуэтка Мелькоатлан была найдена покойным профессором Венденяпиным в день его гибели в стенной нише на подземном уровне храма. После того как Николай Антонович погиб, Лайма приняла решение тайно вывезти драгоценную находку в Россию.

– Вот это да! – воскликнул донельзя пораженный Иваницкий. – Николай нашел Мелькоатлан, но это же мировая сенсация!

– И именно из-за этой находки Лайма и была убита, – закончила Ирина. – Именно эта статуэтка была похищена из личного музея Лаймы.

– Какой ужас! – прошептал Иваницкий. – Значит, все это время Лайма Кирилловна вела двойную игру! И Мелькоатлан была у нее. Но раз так... Раз так, голубушка Ирина Вениаминовна, то вы правы, проклятие дольмек снова разбужено к жизни. Сердце Тьмы... Сердце Тьмы снова забилося!

– Что вы имеете в виду, профессор? – спросила Ирина. – О каком Сердце Тьмы вы ведете речь? Лайма мне ничего не говорила.

– О, это ненаучные спекуляции, не более того, – сказал Ярослав Мефодьевич. – Например, уважаемая профессор Треухо-Ляпина полностью опровергает мое предположение. Но я уверен, что это так! Как вы знаете, дольмеки были весьма кровожадными, приносили в жертвы людей, точнее, человеческие сердца, которые они вырезали из груди обоюдоострыми ножами. В так называемой «Книге Храма Звезд», состоящей из двадцати семи пергаментных свитков, которые были найдены около ста лет назад во время одной из первых экспедиций, содержится указание на то, что у дольмек имелось Сердце Тьмы – некая реликвия, которая играла чрезвычайно значительную роль в их кровавых церемониях. Что именно это за реликвия, там не сообщалось. Но этому сакральному предмету и были посвящены человеческие жертвы, он считался связующим звеном между земным миром и миром богов. Своего рода медиум,

серединная ступенька. Как вам известно, дольмекская столица была разграблена пиратами в июле 1537 года. Добычей алчных корсаров стали тонны золота, серебра, драгоценных камней. Малообразованные пираты уничтожили ценнейшую обсерваторию и библиотеку. Но о Сердце Тьмы ничего не известно. Оно сгнуло вместе с последним царем дольмеков, который чудом смог избежать смерти и скрыться где-то в подземельях под долиной. То, что до нас вообще дошли дольмекские свитки, тоже своего рода чудо. «Книга Храма Звезд», эти пергаментные свитки, была найдена в многометровой толще ила на дне озера в Храмовой долине. Почти всю редкостную библиотеку дольмеков уничтожили конкистадоры, они сжигали свитки или топили их в озере. Двадцать семь раритетов оказались законсервированными в иле на многие столетия! Это же чудо! Впрочем, такими же законсервированными в толще ила находили целые галеоны, а на их борту – старинные судовые журналы практически в первозданном состоянии, и даже мумифицированные трупы людей, умерших в XVI–XVII веках! Но я отвлекся, голубушка моя Ирина Вениаминовна... Что именно могло быть Сердцем Тьмы, остается только гадать. Скорее всего, некая драгоценная фигура. Но Зинаида Аполлинарьевна Треухо-Ляпина уверена, что Сердце Тьмы – это всего лишь метафора, одно из наименований человеческой жертвы, которая становилась в ритуале центральной и посвящалась богам. Все это очень спорно, голубушка, очень спорно...

Иваницкий помолчал, а затем сказал:

– Также в первоисточнике имеется упоминание о том, что Сердце Тьмы, если ему придется замереть, однажды снова забудется, и это положит начало возрождению былого могущества дольмеков. Словно дольмекские жрецы предвидели собственную гибель и знали о том, что их империя падет под натиском западной цивилизации.

Ирину заворожил рассказ Иваницкого. Надо же, какая ужасная и одновременно романтическая история была у дольмеков. Индейцы, вне всяких сомнений, отличались кровожадным нравом, но они не заслужили того, чтобы их истребили в течение нескольких десятилетий. Некогда могущественная цивилизация стала жертвой прогресса, погони за легкой наживой и бездушия.

– Я бы очень многое отдал, чтобы узнать, что такое на самом деле это Сердце Тьмы, – произнес в задумчивости Иваницкий. Затем, словно сбросив мечтательность, он сказал: – То, что вы рассказали мне сегодня, уважаемая Ирина Вениаминовна, просто сенсационно. Я даже не знаю, что думать. Неужели проклятие и в самом деле существует? Я всегда придерживался сугубо рационального взгляда на такие вещи, но мне становится как-то не по себе, когда я начинаю думать о том, кто же убил профессора Венденяпина.

– Меня это тоже крайне занимает, – сказала Ирина. – Ярослав Мефодьевич, а у кого точно находятся две другие статуэтки, вы не знаете?

– Как же не знать, – произнес Иваницкий. – Если не ошибаюсь, одна где-то в Англии, в частной коллекции некоего чудаковатого и ужасно богатого английского аристократа, а другая – в Национальном этнографическом музее Эльпараисо, столицы южноамериканского государства Коста-Бьянка. Именно на его территории и находятся святилища дольмеков...

Ирина подумала, если проклятие на самом деле реально, то и владельцы других статуэток должны испытать на себе гнев дольмекских богов. Или никакого проклятия не существует? И кто-то, используя предрассудки и темные инстинкты, добивается непонятной цели. Но зачем? Безусловно, статуэтки представляют собой историческую ценность, коллекционеры готовы выложить за них баснословные деньги. И все же, и все же... Она чего-то не знает, чего-то важного и центрального во всей этой истории.

– Голубушка, если вас занимает история дольмеков, чему я чрезвычайно рад, – произнес профессор Иваницкий, – то могу посоветовать вам ознакомиться с летописью рода д'Эрбервиль. Уго, живший в первой половине шестнадцатого века, был еще тем молодчиком, отчаянным головорезом и безбожным мерзавцем. Именно он организовал нападение на столицу

дольмеков, его пленяли рассказы о золотых статуях и драгоценных камнях, которые украшали храмы индейцев. Именно у этого Уго была одна из статуэток, и надо же, ему не повезло, пирата поймали и сожгли или повесили, в общем, лишили жизни. Я давно собираюсь ознакомиться с этим прелюбопытным документом, однако он находится в частном владении у потомков рода д'Эрбервиль, и не так-то просто до него добраться.

– Но как я смогу сделать это, Ярослав Мефодьевич? – спросила Ирина. – Вы же сами говорите, что представители древнего рода не особо приветствуют проникновение чужаков в их тайны.

– О, безусловно, это так, – сказал в задумчивости Иваницкий. – Тем более никто не может принудить их показать рукопись, которая была исполнена младшим братом Уго, Ансельмом, священником-францисканцем. Он побывал со своим братом в заморских странах, вернувшись во Францию, основал монастырь, стал его первым настоятелем, где и скончался в возрасте ста с лишним лет. Удивительно, какие разные у них судьбы – у этих братьев! Один стал корсаром, не ведающим жалости, алчным и себялюбивым, а другой превратился в монаха, посвятившего всю свою жизнь служению богу. В этом году исполняется пятьсот лет со дня рождения Уго, черной овцы благородного рода, поэтому потомки приняли решение собраться вместе в монастыре Святого Духа. Мне только известно, что рукопись отца Ансельма содержит какие-то важные указания на то, что же представляет собой Сердце Тьмы. Но ни у кого из ученых, да и вообще ни у кого из людей не было возможности ознакомиться с этой рукописью. Ансельм д'Эрбервиль строго-настрого приказал беречь ее от людского глаза. Ее читали всего несколько человек за эти четыреста с лишним лет. Она хранится как реликвия в монастырской библиотеке. И вот что я думаю...

Иваницкий рассеянно взглянул на часы, а затем в ужасе воскликнул:

– Батюшки, Ирина Вениаминовна, у меня же сегодня еще лекция! Ах, когда же она начнется...

Он зашелестел листьями перекидного календаря, а затем вздохнул с облегчением:

– У меня есть еще сорок минут. Но надо поговорить с Валерой, он специально приехал, чтобы получить у меня консультацию.

Ирина улыбнулась. Иваницкий был подлинным ученым – рассеянным, немного чудаковатым, естественно, гениальным.

– И что же, Ярослав Мефодьевич, – вернула Татищева профессора к его последней фразе. – Вы хотите получить доступ к рукописи отца Ансельма?

– О да! – с жаром воскликнул Иваницкий. – Я уверен, в этой рукописи содержится много сенсационного. Поэтому, милая моя Ирина Вениаминовна, я вскоре собираюсь во Францию. Мне посчастливилось быть достаточно хорошо знакомым с парижским профессором, специалистом по дольмекам, Мишелем де Ваалем. Прекрасный человек, великолепный ум, талантливый ученый! Он обещал мне, что попытается во время встречи потомков Уго получить возможность прочитать манускрипт. Я не очень-то этому верю, мне известны распоряжения автора рукописи, аббата Ансельма, который запретил выносить ее из монастыря. Якобы вещи, описанные там, не для сознания грешных людей. Уж не знаю, что именно произошло в июле 1537 года во время разграбления столицы дольмеков, но мне кажется, нет, более того, я уверен, тогда было много крови... И если вы желаете, моя милая, то вполне можете сопровождать меня, – завершил свою тираду профессор. – Я смотрю, вся эта история вас чрезвычайно занимает. Скажу честно, я преследую свои, сугубо собственные интересы. Валера, к сожалению моему огромному, не может поехать во Францию, а мне требуется помощник – или помощница. Вы же филолог по образованию, знаете языки, об этом написано на обложке любой из ваших книг. В самом худшем случае мы за счет Сорбонны прокатимся туда и обратно и посмотрим Париж и окрестности. Ну а если повезет, сможем получить возможность взглянуть на рукопись Ансельма д'Эрбервиля.

– Ярослав Мефодьевич, если вы не шутите, то я буду рада принять ваше предложение, – сказала Ирина. – Как вы думаете, имеется ли в этой рукописи что-то о проклятии дольмеков?

– Подозреваю, что не только это, – сказал профессор Иваницкий. – Рукопись чрезвычайно интересна и ценна для науки, но по какой-то причине д’Эрбервили берегут ее от остального человечества. Подозреваю, что они не хотят разглашать некую страшную и позорную тайну своего предка Уго. Его же казнили, обвинив в нападении на королевские корабли и сношениях с силами ада. Вряд ли он был милосерден к индейцам, которых считал полуобезьянами и греховными язычниками.

– Когда вы собираетесь ехать, Ярослав Мефодьевич? – спросила Ирина.

Иваницкий, снова зашелестев календарем, сказал:

– Мишель должен позвонить мне в течение недели, затем надо заняться приглашениями и визами... Думаю, на это уйдет не меньше месяца. Встреча потомков Уго запланирована на первые числа июля. Именно летом 1537 года Уго и высадился на побережье и двинулся по направлению к столице дольмеков, чтобы взять ее приступом.

– Только не забудьте, что я обязательно поеду с вами, Ярослав Мефодьевич, – сказала Ирина. Что ж, история о корсаре Уго, который напал на дольмеков и тем самым положил начало проклятию, ее весьма занимала. Не то чтобы она верила во все это... Но как тогда объяснить смерти, которые следуют одна за другой?

– Я так рад, – объявил Иваницкий. – Вместо Валеры уже вызвались ехать несколько человек, но боюсь, все они преследуют свои личные интересы, а мне нужен такой помощник, как вы, Ирина Вениаминовна. Буду чрезвычайно рад, чрезвычайно рад, голубушка...

Ирина записала профессору свой телефон, чтобы он смог связаться с ней, как только получит вести от профессора де Вааля из Парижа.

– Вы ни о чем не беспокойтесь, – сказал Иваницкий. – Проклятие – это выдумка, не более того. Хотя ваши слова о том, что кто-то намеренно отправил на тот свет моего друга и коллегу Николая Антоновича Венденяпина, меня потрясли, честное слово...

Ирина распрощалась с профессором, вышла в приемную. Валера Попондополо, сладко улыбаясь, поднял голову от разложенных на столе бумаг. И все же у Татищевой создалось четкое ощущение, что ассистент профессора только что внимательно подслушивал их беседу. Или она все выдумывает?

– Всего хорошего, – произнес ей на прощанье Попондополо. Затем, обратившись к профессору, сказал: – Ярослав Мефодьевич, могу я отлучиться на пять минут, мне требуется забрать на кафедре одну из моих книг?

– Ну конечно же, дорогой мой, конечно, – сказал Иваницкий. – Ирина Вениаминовна, будьте покойны, я обо всем позабочусь. Мне главное не потерять ваш номер телефона...

Ирина вышла из приемной и попыталась вспомнить, по какому именно коридору ей надо идти, чтобы оказаться у выхода. Попондополо, вышедший вместе с ней, быстро зашагал по коридору. Ирина решила следовать за ним. Ей не хотелось спрашивать у Валеры, куда ей требуется свернуть. Однако он сам повернулся к ней и сказал:

– Ирина Вениаминовна, вам сюда, – его тонкая длань указала на длинный коридор. – Пройдете через него, а там и лестница на первый этаж. Всего доброго!

Ирина почувствовала некое беспокойство. И чего это Попондополо так любезен? Или ему не хочется, чтобы она шла, дыша ему в спину? Ирина, мило улыбнувшись, попрощалась с ним, свернула в коридор и, выждав несколько секунд, осторожно последовала за Попондополо, который спускался по другой лестнице.

Она оказалась в плохо освещенном коридоре на этаж ниже. Попондополо шел впереди, Ирина боялась, что он внезапно обернется и увидит ее. Ну, всегда можно сказать, что она не так его поняла. Или искала, пардон, дамскую комнату. Но ассистент профессора Иваницкого и не думал оборачиваться. Он задержался около одного из кабинетов, постучал и исчез

за дверь. Ну что же, как все банально, а она подозревала Попондополо в некоем криминале. А он просто спустился на кафедру, чтобы забрать книгу. Ирина прошла мимо двери, за которой скрылся Попондополо. Взгляд ее упал на табличку.

«Доктор исторических наук, профессор Зинаида Аполлинарьевна Треухо-Ляпина, заведующая кафедрой истории доколумбовой Америки».

Надо же, вот к кому наведалься Попондополо! Ирина знала, что Ярослав Мефодьевич и Зинаида Аполлинарьевна находятся в напряженных отношениях, на ножах, так сказать. Треухо-Ляпина резала на экзаменах студентов и аспирантов Иваницкого, а тот в отместку во время защиты диссертаций задавал подопечным профессорши наикаверзнейшие вопросы. Визит Валеры Попондополо, правой руки профессора Иваницкого, к Зинаиде более чем странный. И что он делает у нее?

Ирина остановилась около расписания, которое висело метрах в трех от двери кабинета, отвернулась. Будем надеяться, что ее в полутьме коридора не так-то легко будет узнать. Ждать пришлось недолго, дверь раскрылась, Ирина услышала осторожные шаги. Затем раздался тихий голос Попондополо:

– Ты поняла? Он берет с собой эту писательницу. Она поедет с ним во Францию.

– Ярик думает, что сумеет найти там что-то поразительное для своих псевдонаучных изысканий, – произнесла одышливо Треухо-Ляпина. – И он ошибается.

– Мне пора, – сказал Попондополо. – Он меня ждет, я отлучился на пять минут. Зайду позже, завтра или послезавтра, когда Иваницкого не будет в университете.

На Ирину, которая старательно изображала страдающую близорукостью студентку, изучавшую расписание, чуть ли не прижавшись к стенду носом, никто не обратил внимания. Вот это да! Зинаида Аполлинарьевна прекрасно знает Валеру. Это не так уж удивительно, Попондополо закончил этот вуз, наверняка сдавал ей зачеты и экзамены. Но все же он с Треухо-Ляпиной на «ты», хотя мадам профессорша старше его на добрых двадцать – двадцать пять лет. Ирина представила ужасную картину – похожий на цыпленка Попондополо обнимает за сдобные, дряблые плечи Зинаиду Аполлинарьевну, кусает ее за ушко, затем снимает с нее парик... Ирина еле удержалась, чтобы не прыснуть. А почему бы и нет, Попондополо и Треухо-Ляпина вполне могут быть любовной парочкой. Но, помимо этого, премилый докторант стучит на своего шефа его злейшему врагу. И Иваницкий наверняка не знает, что его Валера на самом деле якшается с Зинаидой Аполлинарьевной.

Вот почему Валера так Ирине не понравился, она сразу почувствовала в нем фальшь. Ту самую сладковатую, как запах разложения, фальшь, которой была пропитана душа ее мужа, вот так обманывал Ирину и Олег. А она ему верила...

Ирина осторожно обернулась. Профессор Треухо-Ляпина, чрезвычайно нежно попросившись с Валерой и назвав его «котенком», скрылась в кабинете. Попондополо вприпрыжку побежал в обратном направлении. Итак, встреча информатора и главаря шпионского штаба состоялась.

Ирина углубилась в расписание. Ага, у уважаемой профессорши сейчас семинар на четвертом курсе. Так и есть, через несколько минут Зинаида Аполлинарьевна прошла мимо, облаченная в темный костюм, с париком нежнолиловой расцветки на голове. Ирине в голову пришла сумасшедшая идея. У нее есть целых полтора часа, пока профессорша занимается со студентами. Наверняка в кабинете Зинаиды есть много интересного. И хорошо бы проникнуть туда и посмотреть...

Конечно, подобные действия можно квалифицировать как попытку взлома или проникновение в помещение с неизвестными целями, но кто об этом узнает? И она не собирается ничего красть, только бросит взгляд на берлогу Зинаиды Аполлинарьевны.

Татищева проследовала за Зинаидой, убедилась, что профессорша, войдя в аудиторию, провозгласила:

– Почему галдеж? И вообще, что это такое, сколько раз я говорила, что сидеть на столах запрещается!

Ирина вздохнула, студентам было явно несладко с профессором Треухо-Ляпиной. Услышав, как профессорша начала семинар (она назвала первый вопрос, и в аудитории воцарилась гробовая тишина, никто не хотел рассказать об истории дольмекской государственности в V веке до нашей эры), Ирина вновь вернулась к кабинету Зинаиды Аполлинарьевны. Подергала ручку. Бесполезно, профессорша заперла дверь на три оборота, хотя и не включила сигнализацию. Видимо, последнее делается, когда она покидает здание университета и отправляется домой.

Но как же ей проникнуть к Зинаиде? Ирина снова взглянула на расписание. У профессорши после семинара лекция, а потом ее рабочий день прекращался. Пришлось провести полтора часа в коридоре, строя различные планы. Не взламывать же кабинет, честное слово!

Треухо-Ляпина вышла из аудитории, вокруг нее вились студенты, которые пытались подобострастно поддакнуть Зинаиде Аполлинарьевне. Ирина замерла около кабинета. Нужно использовать момент...

Треухо-Ляпина открыла дверь, повернулась к студентам и гаркнула:

– Все другие проблемы мы решим через неделю на экзамене. А теперь, дамы и господа, всего вам хорошего!

Она стояла на пороге кабинета. Он оказался таким же, как у Иваницкого: первая комната – приемная, в которой никого не было, вторая – непосредственно кабинет профессорши.

– Позвольте, – раздался голос позади Ирины. Мимо нее в приемную к Треухо-Ляпиной прошла пара – мужчина и женщина. Мужчина, увидев на пороге строгую профессоршу, несколько оробел и почтительно сказал: – Уважаемая Зинаида Аполлинарьевна, мы родители Марины Миловановой, не могли бы вы уделить нам несколько минут?

Родители нерадивой, как поняла Ирина, студентки вышли обратно в коридор, за ними последовала профессор Треухо-Ляпина. Они отошли в сторону, мать Марины зашептала что-то, отец весомо поддакивал.

– Небольшой презент... мы понимаем, что наша Милочка лентяйка... Но, Зинаида Аполлинарьевна, войдите в наше положение, если она не сдаст экзамен...

При этом отец Милочки упорно совал в руки профессорше увесистый пакет. Ирина, подавшись внезапному импульсу, открыла дверь кабинета и прошла вовнутрь. Она заглянула в так называемую резиденцию Треухо-Ляпиной. Что делать дальше? Профессорша сейчас вернется, и...

Так и произошло, Ирина, услышав, как Зинаида Аполлинарьевна в сопровождении родителей студентки заходит в приемную, нырнула под массивный стол. В голове билась единственная мысль – у Зинаиды сейчас лекция, она не будет рассиживаться здесь и не сможет ее обнаружить.

– Да за кого вы меня принимаете! – громыхла Зинаида Аполлинарьевна. – И нечего совать мне ваши подношения! Вы что, думаете, что я продажная шкура? К чему мне ваши жалкие коньяки и конфеты?

Ирина, сгорбившись, сидела под столом. А вдруг Треухо-Ляпина ее обнаружит? Вот будет шуму-то – известная писательница прокралась тайком в кабинет к доктору наук, заведующей кафедрой, спряталась у нее под столом...

– Но, Зинаида Аполлинарьевна, прошу вас, ради нашей дочки...

– Ваша Милочка лентяйка и балбеска, видимо, пошла в своих родителей, – сказала громгласно Треухо-Ляпина. – Выйдите вон, иначе я позвоню на вахту и приглашу сюда охранников, чтобы они избавили меня от вашего назойливого присутствия. И заберите ваши взятки, я на такое не покупаюсь!

Хлопнула дверь, Ирина услышала, как Зинаида Аполлинарьевна, оставшись в одиночестве, проворчала:

– Надо же, у них дочка двух слов связать не может, а они хотят трояк. И суют мне армянский коньяк и конфеты. Идиоты, честное слово, расценки, что ли, не знают...

Ирина едва сдержалась, чтобы не хихикнуть. Вот, оказывается, чем вызван гнев могущественной и принципиально-честной профессорши – вовсе не тем, что ее пытались подкупить, а тем, что родители Милочки принесли мало. Не заглянули предварительно в прайс-лист, который можно обнаружить на страницах любой из «желтых» газет. Чтобы получить такую-то оценку, несите то-то. Действительно, коньяка и конфет хватило бы для какого-нибудь доцента и кандидата, а вот для профессора, доктора наук, заведующей кафедрой нужно раскошелиться!

– Так, еще одна лекция, и свобода, – сказала сама себе Треухо-Ляпина, затем она зашелестела на столе бумагами и удалилась. Ирина услышала, как поворачивается в замке ключ. Она осталась в одиночестве.

Выждав для верности несколько минут, Ирина покинула убежище под столом профессорши. Итак, она находится в логове врага. Какие же секреты скрывает от нее уважаемая Зинаида Аполлинарьевна?

Ирина не подозревала ранее, что обладает воровскими навыками. Она открыла один за другим ящики письменного стола. В первом же она обнаружила интересную находку – папку со статьей Иваницкого. И это были гранки с пометками, сделанными самим профессором. Работа наверняка еще не опубликована, что же тогда она делает в ящике стола Треухо-Ляпиной? Наверняка верный пес Валера принес профессорше на ознакомление. Вот, значит, как он заботится о своем шефе, продает его конкурентам. Ирине стало обидно за Ярослава Мефодьевича. Что ж, она раскроет ему глаза на верного докторанта!

В остальном же ничего занимательного. В углу кабинета стоял пузатый допотопный сейф темно-зеленого цвета. Ирина заметила около вешалки массивную сумку и без зазрения совести залезла в нее.

Дамские принадлежности, кроваво-красная помада, голубые тени, пудра. Парик! Надо же, Зинаида Аполлинарьевна носила с собой запасной! На всякий пожарный, так сказать, мало ли что случится, вдруг тот, что на голове, промокнет...

Зато в боковом отделении Ирина обнаружила то, что искала, – связку ключей. Она надеялась, что в этой связке есть и ключ от сейфа. Так и произошло, первый же ключ, с тихим скрежетом скользнув в замочную скважину, отомкнул дверцу.

И Зинаида Аполлинарьевна смеет утверждать, что не любит коньяк! Тогда почему на полке стоит початая бутылка с граненым стаканом, надетым на горлышко? Неужели достопочтенная профессорша прикладывается к бутылке?

Ирина просмотрела бумаги. Ага, вот оно, искомое! Непонятный, внушающий трепет список. Округлым почерком, скорее всего, рукой самой Зинаиды написаны имена: «Николай Антонович Венденяпин, Владимир и Лайма Мироновы, Ярик Иваницкий».

Причем все имена, кроме последнего, были жирно перечеркнуты горизонтальными линиями. Что это? Список тех людей, которые стали жертвами проклятия? Или перечень тех, кто мешает Зинаиде Аполлинарьевне?

Ирине на мгновение стало жутко. Что затевает пожилая профессорша вместе с Валерой Попондоло? Может быть, ответ найдется на нижней полке сейфа? В кожаной папке с золотой застежкой Ирина обнаружила фотографии статуэтки богини Мелькоатлан. Но каким образом они появились у Зинаиды Треухо-Ляпиной? Ведь Лайма уверяла, что никто, кроме покойного Венденяпина, о находке не знал. Получается, что знал – цветные фотографии лучшее тому подтверждение.

Неужели Зинаида Аполлинарьевна открыла сезон охоты за статуэткой? Но тем человеком, что застрелил Лайму и которого Ирина видела выходящим из подземного музея, не могла

быть Треухо-Ляпина, с ее-то расплывающейся фигурой, одышкой и возрастом. А вот Попондополо... Однако он произвел на Ирину впечатление нечестного и двуличного карьериста, который способен предать учителя, но у него кишка тонка, чтобы пойти на ограбление и тем более убийство.

Татищева пыталась сообразить, какая же связь существует между таинственными смертями, Валерой Попондополо и Зинаидой. Думай, Ирочка, думай, внушала она себе, недаром ты написала двадцать три романа с детективным сюжетом, ты должна выйти на след правды.

Она спохватилась, посмотрев на круглый циферблат настенных часов. Лекция закончилась пять минут назад! Каждую секунду в кабинете может появиться Треухо-Ляпина. Ирина в спешке заперла сейф, положила ключи в сумочку. Как быть дальше? Каким образом ей выбраться из кабинета?

Она услышала голоса около входной двери и снова нырнула под стол. Раздались шаркающие шаги, она увидела толстые ноги профессорши. Та, кряхтя, подхватила сумочку, затем раздался щелчок замка и громыхание ключей. Ирина опять осталась одна!

Она в ловушке! Зинаида ушла домой! И наверняка поставила дверь на сигнализацию. Что же ей делать? Ирина не знала. Зато у нее было предостаточно времени, чтобы подумать.

Ирина побоялась включить верхний свет, ей не хотелось, чтобы охранники обнаружили ее в кабинете. Поэтому, присев в кресло, она при тусклом свете настольной лампы на листке бумаги стала набрасывать схему, какую обычно делала, когда разрабатывала сюжет.

Каково уравнение? Четыре смерти. Из них две – явные убийства. Кто-то убил старинным индейским методом профессора Венденяпина, выплюнув в него сквозь трубку ядовитую колючку или стрелу, и некто застрелил Лайму, похитив из музея статуэтку богини Мелькоатлан. Смерть охранника – якобы результат инфаркта, но кто знает, какими еще ядами располагали индейцы, возможно, такими, которые неизвестны современной европейской медицине. Да и вскрытия тела охранника, насколько знала Ирина, не было, так, наружный осмотр, никто тогда не заподозрил криминала, признав смерть от естественных причин. Взрыв на заводе явная случайность. Или... Но если кто-то хотел убрать Володю, то зачем ему понадобилось убивать вместе с ним множество других ни в чем не повинных людей? Не проще ли было нанять киллера, который при помощи винтовки с оптическим прицелом...

И о чем это она думает! Она пытается найти виновника убийств, а что, если виновник гибели людей – сама смерть? Смерть, которая выбирает себе жертвы по только ей ведомому ужасному и неотвратимому плану, изменить который невозможно. И в распоряжении смерти тысячи разнообразнейших способов.

Проклятие дольмекского царя... Все началось после того, как профессор Венденяпин обнаружил в стенной нише статую однорукой богини Луны. Он же и стал ее первой жертвой. Но если Ирина имеет дело с магическими потусторонними силами, то она в явном проигрыше. Она ни за что не справится с демонами подземного мира, которые уносят души жертв в озеро к чудовищу – прожорливому Касамбе, кажется, именно так говорил Ярослав Мефодьевич.

Но даже если проклятие и существует, то кто-то из живых помогает ему сбыться. Лайму убил человек, а не демон, Ирина в этом уверена. Да и в Венденяпина выстрелил тоже человек, она готова поспорить, что это именно так. Пожилой профессор стоит на краю скалы, любит закатом солнца, а кто-то, затаившись среди пышной тропической растительности, подносит к губам трубку, энергично дует – и крошечная колючка, смазанная смертоносной субстанцией, вонзается в тело Николая Антоновича, он теряет равновесие и падает в водопад – или кто-то сбрасывает его уже бездыханное тело в воду...

Но кто? Например, Валера Попондополо. Он ведь был в составе экспедиции. И наверняка в то время уже работал на Зинаиду, собирал и передавал ей сведения о Венденяпине и Иваницком.

Сколько Ирина ни размышляла, она никак не могла понять, зачем Валере убивать Венденяпина. Что это даст? Какова цель того, кто помогает проклятию? Похитить статуэтку, стоящую миллионы? Вполне может быть...

Она не заметила, как наступила ночь. Ирине то и дело казалось, что в кабинете раздаются странные шорохи и скрипы, словно кто-то ходит в смежной приемной. Но она одна, там никого нет.

Сон навалился на нее незаметно, она пришла в себя от того, что кто-то громко разговаривал около двери. Ирина, сбросив остатки сна, сползла из кресла, в котором уснула, и затаилась. Почти половина седьмого, наверное, заявили уборщицы.

Услышав, что разговоры стихли, Ирина осторожно выглянула в приемную. Швабра с тряпкой на мокром полу, дверь приоткрыта. Наверное, уборщица меняет воду в ведре. Ирина устремила на свободу.

Попав домой, она первым делом приняла душ, затем сделала себе черный кофе и попыталась систематизировать факты, которые у нее имелись. Странное дело, ничего не получается. Неужели все эти происшествия не поддаются рациональному объяснению? Тогда ей придется признать, что в деле замешаны могущественные силы, противостоять которым она не в состоянии. Но что, к примеру, значит список имен в столе у Зинаиды Аполлинарьевны?

Ирина попыталась найти в Интернете упоминание о дольмеках. Информации не очень много: статья из энциклопедии, несколько ссылок на выставки, которые прошли по всему миру, личный сайт профессора Венденяпина и галереи Лаймы и Владимира.

Ага, а вот это, кажется, занятно. Владельцем статуэтки бога Солнца Халхитуатля являлась некая Мария-Каролина фон Витгенштейн, вдова семнадцатого маркиза Эдварда Филиппа Седвика Блумсбери. Мария-Каролина, пятидесяти девяти лет, родилась в аристократической семье в Вене, вышла замуж за британского аристократа, увлеченного коллекционированием древностей. Маркиз Блумсбери стал жертвой несчастного случая на охоте в октябре 1994 года. Его тело, изувеченное каким-то животным, скорее всего кабаном, нашли в его лесных угодьях. Надо же, еще одна неестественная смерть. И именно в поместье около Лондона хранится статуэтка Халхитуатля!

А вот третья статуэтка, которая изображает бога Мертвых Теоксмаля, находится в данный момент в Государственном этнографическом музее республики Коста-Бьянка. Государство это расположено в Южной Америке. «Так-так, – думала Ирина. – Значит, маркиз Эдвард Блумсбери скончался таинственным образом. Неужели и в его смерти виновата статуэтка, которую он приобрел на аукционе в начале девяностых?» До этого Халхитуатль принадлежала арабскому шейху, который разбился на самолете, а арабский шейх купил ее у американского мультимиллионера, служившего дипломатом в Северной Европе. Тот стал жертвой террористического акта одной из радикальных группировок, которая оставила перед американским посольством машину со взрывчаткой. Посла разнесло в клочья...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.